

ЛАРИСА

СОБОЛЕВА

ОН И ОНА МИНУС ОН И ОНА

ТАМ, ГДЕ НАСТОЯЩЕЕ
ПЕРЕПЛЕТАЕТСЯ
С ПРОШЛЫМ, —
ВОЗМОЖНЫ
НЕОЖИДАННЫЕ
ПОВОРОТЫ СУДЬБЫ

ОНА ВСЕГДА С ТОБОЙ

Она всегда с тобой

Лариса Соболева

Он и она минус он и она

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Соболева Л. П.

Он и она минус он и она / Л. П. Соболева — «Издательство АСТ», 2021 — (Она всегда с тобой)

ISBN 78-5-17-138908-6

Закончился тихий вечер двух семейных пар. Гости разошлись по домам. Ничто не предвещало трагедии, казалось бы. Но у двух из них есть своя история и своя тайна. Они когда-то встречались и расстались, думая, что так будет лучше для всех. Не получилось. Три года, пренебрегая принципами дружбы и семейной верности, они изменяют своим законным... И вот, следующим вечером, вернувшись после свидания каждый к себе домой, они находят своих супругов застреленными... Понимая, что подозрение в убийстве в первую очередь падет на них, они бегут из города... Но у следствия возникло интересное обстоятельство – убийцы оставили в обеих квартирах свои отпечатки... они пили вино с убитыми... И чьи же это отпечатки...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 78-5-17-138908-6

© Соболева Л. П., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Часть первая	6
Часть вторая	36
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Лариса Соболева
Он и она минус он и она

© Соболева Л., 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Часть первая

Один капкан на двоих

Последний аккорд гитары дрожал еще какое-то время в воздухе, умирая, и... умер. Живой осталась тишина, она и вносила нелепую, странноватую неловкость, словно четырех человек за столом объединила общая вина. Во время паузы сумерки заполнили комнату, они будто вошли бесшумно через открытую балконную дверь, посмотрели на унылые лица и потускнели, а потом и почернели.

М-да, необычные впечатления возникли после средневековой баллады с трагическим концом, которую исполнил Платон. Он не профессиональный певец, петь и сочинять музыку на старинные стихи его хобби. Кого-то природа бессовестно жалует внешностью, талантом (и не одним), умом, умением нравиться и везением, кажется, что недостатков на долю счастливых просто не хватило. А для некоторых в кармане у природы достоинства оказались в дефиците, что ж, как говорится, каждому своя шоколадка. Платону отсыпано с лихвой всего того, что вызывает зависть у обделенных людей, но ему повезло и этот булыжник обойти, завистников он не встретил, или не подозревает об их существовании.

– Друзья мои, вы не заметили? Темновато стало, – произнес он, потянувшись за бокалом вина. – Таня, включи свет, а то мы уже не видим друг друга.

Жена Татьяна старше Платона на пять лет, но кто решится дать ей законные тридцать семь? Безусловно, на девочку она не тянет, но и дамой при ее худобе, высоком росте и славненьком личике простушки совсем не смотрится. Прежде чем подняться, Татьяна поставила жесткое условие:

– Спой еще, тогда зажгу свечи. Для атмосферы зажгу.

– Правда, спой, м? – робко попросила Камилла.

– Зажигай свечи, – махнул рукой Платон, обратившись к жене.

Как правило, он споев пару песен и ни за какие коврижки не соглашается продолжить застольное выступление, мол, топайте на концерты звезд, там требуйте исполнение на бис, а я не хуже вас и тоже хочу пить-есть. Он упрямый, а кто не упрям? Даже рохли иногда упрямятся из вредности.

Татьяна принесла два подсвечника, оба на три свечи, в предвкушении закусив нижнюю губу, она подносила к фитилькам огонек зажигалки, адски плясавший в ее зрачках. И вот, когда замерцали свечи, распространяя запах стеарина, а гостиную заполнили звуки гитары, Платон начал едва слышно свою балладу о верности и предательстве... потом вторую... О, даже третью соизволил спеть без уговоров, но как!

Он пел никому и в то же время всем, возможно, всему земному шару, жаль, что из всего человечества слышали его только трое. Платону снова удалось погрузить друзей в печальные истории любви и смерти, хотя что в них такого, способного ущипнуть душу? Истории мелодраматичны, куплеты примитивны, мотивы стилизованы под средневековый и далеки от современных ритмов.

– Здорово поешь, – похвалил Константин, муж Камиллы, когда закончилась третья баллада. – Тебе бы на сцену.

– Разве я пою? Это всего лишь рассказы под гитару о наивных надеждах и их крушениях, – поскромничал Платон. – Да и певческим голосом не обладаю, к тому же плохо знаю нотную грамоту, я полный дилетант.

– Он уникум, но не хочет в этом признаваться, – иронично заключила Татьяна. – Чай, кофе? По всем признакам Платон петь больше не будет.

– Не-не-не, – поднял ладони Константин. – У меня был сегодня трудный день, завтра ожидаются новые-старые сложности. Мы пойдем. Камилла!

– Да, нам пора, – с неохотой поднялась с места его жена и вздрогнула от звука разбитой посуды. – Ой, простите!

Задетая пальцами Камиллы тарелка упала на пол и, конечно же, звонко разбилась. Тарелочка крутая, как и все в этом доме, но Татьяна поспешила успокоить гостью великодушной шуткой:

– Ничего страшного, я открою секрет: посуда бьется и очень часто.

Разбить такую тарелищу стоимостью с хороший сервиз... от смущения на щеках Камиллы проявился матовый румянец, с несвойственной ей спешкой она протараторила, сглаживая неловкость:

– Таня, вечер был прекрасный, еще раз прошу прощения за разбитую тарелку. Платон, спасибо за твои баллады, обожаю слушать, как ты поешь.

– Всегда рад доставить удовольствие, – улыбнулся он в ответ.

Платон поднялся, поискав безопасное место для гитары, прислонил ее к боковине кресла, после двинул в прихожую проводить гостей. Константин попросил Татьяну одолжить теплую кофту или шаль для Камиллы, так как значительно похолодало, а та поручила мужу:

– Будь добр, принеси мохеровую кофту... э... синюю. Правда, похолодало, август в этом году какой-то неприятно холодный.

– После Ильи второго августа лето поворачивает на осень, а дни становятся холоднее, так говорила моя бабушка, – со знанием дела сказал Константин.

– Суеверия, – нервно рассмеялась Татьяна.

Больше ничего Платон не услышал, кстати, он не любит разговоры у порога, потому что не проходит ощущение, будто гости не хотят уходить, а хозяева не хотят, чтобы они остались. Из гардеробной он принес кофту, помог надеть Камилле, она повернулась к нему лицом и слегка кивнула в знак благодарности.

Камилла... Она вне возраста, может показаться юной и неискушенной девой, не знающей жизни, но ждущей романтического звездопада на свою глупенькую головку, а кто-то увидит в ней уставшую и умудренную опытом хищницу. Камилла ни то и не другое. Без сомнения, от брюнеток веет таинственностью, а то и фатальностью, они сами по себе привлекают яркостью, особенно контрастные – белая кожа, смоляные волосы, бледно-голубые глаза и девственно-красные губы. Поэтому стоит Камилле чуть загрустить или рассердиться, и окружающие видят в ней свое собственное представление, ничего не имеющее общего с оригиналом. Одно бесспорно: она притягивает глаз, об этом думал Платон, но жена отвлекла от гостьи, неожиданно ойкнув и заставив всех вздрогнуть:

– Ой, я сейчас, подождите секундочку... Не уходите!

Гости и муж не успели сделать вдох-выдох, а Татьяна примчалась, протянула коробку конфет Камилле:

– Вот, возьми. Это для Ванечки.

– Как-то неудобно, нет... – начала было отказываться гостья.

– Бери, бери, ты же тоже любишь конфеты. Мне предложили по цене закупок, я от жадности взяла десять коробок, теперь всем раздаю свою жадность.

Татьяна рассмеялась, заставив улыбнуться и Константина с Камиллой, которые, взяв коробку, наконец ушли. После ухода гостей стало тихо, но это не та тишина, возникавшая стихийно после песен Платона и заставлявшая с опаской заглянуть внутрь себя, а пронизанная дремучей скукой. Платон завалился на диван и включил телик, Татьяна неторопливо собирала посуду со стола, беспорядочно ставя на поднос приборы. Она бросала в мужа косые взгляды, строгие и недовольные, наконец, дошла до стула Камиллы, присела и, поднимая осколки тарелки, небрежным тоном, заметила:

– Какая же она неловкая, неуклюжая... – Платон не отреагировал. – И все время молчит, из нее клещами слова не вытащишь. Так поступают люди, понимающие, что они глупые...

– Или очень умные.

– Ты всегда ее защищаешь!

– Если тебе неприятны Пешковы, зачем их приглашаешь?

– Как будто не знаешь! – раздраженно бросила Татьяна, поднимаясь с осколками в руках. – Костя мне необходим. На меня цифры навевают тоску, я так и не разобралась в них толком, боюсь, однажды он откажет мне в помощи... В общем, приходится терпеть и его тень, но ты так плотоядно смотрел на Каму...

– Плотоядно? Я не людоед, девушками не питаюсь, – проворчал в ответ он, переключая каналы и даже не взглянув на жену.

– Положим, она не девушка, но вполне сойдет за нее. Иногда. Когда у нее настроение поиграть в юную особь. Сколько ей? Двадцать восемь – двадцать девять? А выглядит на все тридцать пять.

Тридцать пять Камилле? Ха! И еще раз сто – ха! Жена выдает желаемое за действительное, но нет, Платон не это сказал на совершенно спокойной ноте:

– Ты забыла? Они наши друзья, сама только что сказала, как дорожишь Костей, который часто выручает тебя.

– Верно, выручает... – задумчиво произнесла она, словно ей стало стыдно за сказанное ранее. Татьяна отнесла на кухню посуду и вернулась с пустым подносом. – Хм, Костя и Камилла... странноватый альянс, когда они рядом, смотришь на них и недоумеваешь: почему эти двое вместе.

– Неужто Кама не достойна Кости? – насмешливо спросил он.

– Пожалуй, наоборот...

Интересный поворотик – к чему бы это? Но Татьяна права: Костя не впечатляет, он ниже Камиллы, щуплый, с непропорционально длинными руками, немного вытянутой головой. Тонкие черты его лица далеки от идеала, а самое интересное, какой костюм на него ни надень, хоть от известного кутюрье, будет смотреться повисшей тряпкой. И рядом его полная противоположность. Пожалуй, всех знакомых удивляла молчаливая жена Кости, которая к ухаживаниям относилась, как к пустоте перед ее очами, а ведь за Камиллой ухлестывали мужчины разных возрастных категорий, в ней таится некий магнетизм. Однако, в порочных связях замечена не была, но в эту карамель не верилось большинству, ее подозревали во всех смертных грехах, ни разу не поймав хотя бы на одном.

– Странно, разница бросается в глаза, – между тем продолжая убирать со стола, бубнила под нос Татьяна, но понятно же: бубнеж для любимого мужа предназначен. – Я бы сказала, смелое несоответствие, вызывающее. Но если хочешь внимания окружающих, то...

– Считаешь, Костю заботят окружающие?

– А я не о нем. Я о его амебе с рыбьими глазами и твоих вороватых взглядах на нее. Мне порой неловко становилось. Да, да, да, я ощущала себя лишней... и Константина... лишним. Думаю, он тоже заметил твой людоедский взгляд на его холодную рыбу.

– К уборщице бабе Гале еще не ревнуешь? – ни на йоту не повысил он тона. – А пора бы. Вчера я отвез ее домой и даже сумки доставил до лифта.

В ответ – бах!.. Ой, как достали Платона резкие перепады. Татьяна ударила пол тарелкой – в чем он виноват? Пол не пострадал, он же паркетный, а бедная тарелка вдребезги. Вторая по счету. Короче, начался очередной перформанс, как заведено – внезапно, однако с театральным размахом.

Самое интересное, Платон даже не вздрогнул, он ко всем внезапностям жены научился относиться наплевательски, правда, только внешне. Итак, в перспективе ссора и пару дней тягостного молчания, пока Платон, видя реальные страдания жены, будто ее корежит физиче-

ская боль, не сжалится. И только из жалости станет мириться, извиняться, заверять в вечной любви до гробовой доски и даже в самом аду, куда они непременно попадут оба. Впрочем, вся эта кутерьма с патологической ревностью и есть ад.

У Татьяны комплекс: она бездетная, старше мужа, на которого вешаются все бабы от пятнадцати до восьмидесяти (по ее версии), а он... ну, это совсем неинтересно, потому что банально до тошноты. Это болезнь, но врач тут не поможет. Зная сценарий до последнего слова, Платон встал с дивана и отправился наверх в спальню, Татьяна подскочила к лестнице, ей же надо выговориться:

– Я попала в точку, поэтому бежишь?

– Заведи другую песню, – вяло бросил Платон. – Эта утомила меня.

Она умеет себя накручивать, конечно, ежедневных истерик не закатывает, разве что вазу или тарелку грохнет об пол в миг нахлынувшей агрессивности, ну, зеркало разобьет. А потом надолго впадает в депрессивный транс и страдает... страдает... страдает! Как будто страдания – ее предназначение, которое приносит почти сексуальное удовлетворение.

Далеко не пришлось идти, их дом рядом.

Квартира небольшая, хотя и трехкомнатная, но удобная. Камилле не нравился этот район, переезжать сюда из однокомнатной хрущобы она отказывалась, Константин настоял – пожалуй, впервые за их совместную жизнь он проявил настойчивость. Ведь здесь полезные знакомства сами ходят, на одной площадке живут – стоит только заговорить и намекнуть в том же лифте, мол, я аудитор, таких асов днем с огнем не сыщешь! А школа для сына? Престижная, значит – лучшая, что весьма спорно с точки зрения Камиллы.

Попав в прихожую, она сбросила туфли, не удосужившись их поставить в шкаф, сунула ноги в тапочки и поплелась, зевая да потягиваясь, в комнаты. Константин поставил ее туфли на высоком каблуке в шкафчик для обуви, но прежде прошелся по ним мягкой щеткой, сбивая пыль.

Когда он вошел в спальню, Камилла, переступала через платье, валявшееся в ногах, временно она надевала ночную сорочку, затем плашмя упала на кровать. Он и платье поднял с пола, повесил его в шкаф, Константин любит порядок, впрочем, жена вовсе не неряха, но иногда на нее находит пофигизм, тогда он предпочитает вместо нотаций управляться сам. Зачем претензиями и указаниями осложнять мир в доме, если нетрудно самому что-то сделать? Раздеваясь, Константин поинтересовался:

– И в душ не пойдешь? Будешь спать с косметикой на лице?

– Буду, – буркнула она. – Я после вечеров у Лукьяновых никакая, у них там энергетика тяжелая, отнимает силы. Не пойму – почему так?

– Да? Не заметил. Ваньку пора домой вернуть...

– О чем ты! На даче у него собака, друзья, с которыми он бежит с утра до вечера, они дерутся и мирятся, читают, играют, там он ест свежие фрукты и овощи. А что здесь? Четыре стены и двор, где детей почти не бывает. А если и бывают, то под присмотром мамаш или нянек. Даже не подраться мальчишкам. Хочу, чтобы мой сын вырос мужиком, а не слабаком из-под маминой юбки.

– Ему скоро в школу, пора готовиться.

– Для школы все куплено. Прости, я сплю.

Он чмокнул ее в плечо и отправился в душ. Константин привык к перепадам настроения жены, он прощал ей все, потому что не было ни одного движения, ни одного взгляда, улыбки, слова, которые ему не нравились бы. Сам невзрачный Константин считал Камиллу украшением своей жизни, а потому находил ее забавной, даже когда она злилась, ругалась или капризничала, что не являлось редкостью. Он тихонько напевал в ванной, потому что был доволен и работой, и сегодняшним вечером, и перспективами.

В то же время Камилла, лежа на боку, смотрела прямо перед собой, но видела не кресло у стены рядом с туалетным столиком – всего этого не было для нее. Она улыбнулась и закрыла глаза...

...а когда открыла, увидела близко-близко его профиль.

И снова улыбнулась. Так и живет Камилла: от «закрыла глаза» до «открыла их». После вечера у Лукьяновых прошел всего день – длинный, тягучий, неинтересный, он тянулся... тянулся... Наконец встретились, свидание пронеслось слишком быстро, чтобы сказать: пора по своим норам.

Камилла приподнялась, опираясь локтями о подушку, она изучала лицо Платона, запоминая черты, хотя могла наощупь опознать его. Между «закрыла-открыла» иногда проходит много времени, а в том промежутке пустота, жизни как таковой нет, есть привычка к автоматизму. Не хотелось ей возвращаться в пустоту. Платон лежал на спине, как величественный фараон, кажется, уснул, но вдруг, не открывая глаз, спросил:

– Что смотришь? Не решаешься сказать, что хочешь уйти?

– Твоя Танька устроит тебе разнос, если задержишься.

– Уже задержался и что? Она не разговаривает со мной, ну, не будет разговаривать еще пару дней, мне уже все равно.

– А причина? Почему не разговаривает?

– Я на тебя смотрел плотоядно и согласился петь, когда именно ты меня попросила. А еще спел целых три песни сверх нормы... Но самое смешное – это не фантазия ревнивой жены, а чистейшая правда.

– Обещаю, больше не буду просить.

Внезапно он сел к ней спиной, спустив с кровати ноги, а заговорил с твердостью, какой она не слышала раньше:

– Глупости все это – посмотрел не так, сказал не так и не то, любишь не так... Я вообще не люблю ее, сегодня наконец скажу... думаю, она об этом знает. Но скажу и уйду. Собственно, уже ушел, вещи перевез сюда, наверняка она заметила, но молчит. И я молчу. Утром не стал говорить о своем решении – лишь бы не портить ей рабочий день, она же невменяемой будет, на всех кидаться начнет. За ночь как-нибудь переживет и свыкнется с мыслью, что настал конец.

И Камилла подхватила, прижалась к его спине щекой, проговорив:

– Пожалуйста, не делай этого, ты ведь знаешь, какой начнется скандал. Ты же сам сказал – она невменяемой станет, а твоя Таня светская львица...

– Хо-хо-хо-хо! – отреагировал Платон издевательским смехом. – Какой свет? Сплошная карикатура и кривляние.

– Какой бы ни был, а шуму от него до небес, за тобой будут бегать блогеры и телевизионщики.

– Ой, Кама, кто про нас знает! Таких, как мы, в городе тысячи, средний класс никому неинтересен, ты зря...

– Не зря. Скандал сам по себе распространяется, не успеешь глазом моргнуть, а ты уже в интернете со своей проблемой.

– Плевать. Я поговорю с ними... по рабоче-крестьянски – кулаками.

– Этого только не хватало! Тебя посадят за дебош.

Зависла пауза, как капля на ветке, которая вот-вот упадет, а в капле вопрос... Он звучит часто пред расставанием, и Камилла всякий раз не готова его услышать, не готова на него ответить, лишь мысленно молила Платона: молчи. Но капля сорвалась, и вопрос, такой знакомый и такой болезненный, все же прозвучал:

– А ты? Ты со мной?

Упершись лбом в его спину, Камилле нелегко было выговаривать фразы, которые можно объединить в одно слово «нет»:

– Не заставляй меня... Я не могу уйти, не могу заплатить Костику черной неблагодарностью, миллион раз тебе говорила. Не знаю, что было бы со мной, если б не он. И с Ванькой что было бы... не знаю. Сейчас даже не хочу вспоминать то время. Константин любит его, как своего, меня терпит, другой бы на его месте... Он не виноват, что так сложилось... Мы с тобой расстались, потом снова встретились, когда ты был женат, а я замужем. Как-то глупо все получилось... неправильно...

В сущности, она сказала то, что всегда, только другими словами, отчего ее отказ прозвучал по-новому. Платон знал: настаивать бесполезно, пока бесполезно, надо терпеливо выждать время, ведь Камилла каждый раз произносит свое длинное «нет» глуше и тише, сопротивление не может быть вечным.

– Ладно, будет так, как ты хочешь, – сдался он, повернувшись к ней. – И все-таки, Кама, подумай. Возможно, мне придется уехать...

– Уехать? – напряглась она.

– Не думаю, что Таня даст мне спокойно жить, она не из тех, кто выпускает добычу из рук. В этом случае лучше уехать хотя бы на год-два.

– Куда?

– Я зубной врач, специалист широкого профиля. Поеду в Сибирь, на Север... к счастью, страна огромная, есть где спрятаться от Татьяны.

Она не была готова к такой плохой новости и условиям Платона, ведь он поставил ее перед жестким выбором. Не любит Камилла вспоминать прошлое, но именно его выставила в качестве щита:

– Ты опять меня бросишь?

– На этот раз бросаешь меня ты.

Конечно, с мужчиной спорить сложно, всегда останешься в проигрыше и вдобавок виноватой. Может, они и поменялись местами, хотя Камилла так не считала, но на ходу подобные дела все равно не решаются, да и решение есть только одно, которое она не смогла выговорить:

– Мне трудно представить, что тебя рядом не будет... но... но... но...

– Давай собираться, уже поздно, – прервал он бесконечные «но», чтобы не услышать в конце сакраментальное «нет».

Оделись без спешки, тем не менее быстро и молча, потом Платон запер квартиру, спускаясь по лестнице, поинтересовался:

– Что скажешь Константину? Двенадцатый час, пока доедем...

– Обычно он не спрашивает, но если спросит, скажу... что-нибудь. Придумаю по дороге.

Ночной город надежное укрытие, даже если встретить знакомых на проезжей части, вряд ли они разглядят в соседней машине парочку, явно возвращающуюся после свидания в столь поздний час. Молчание Платона естественное, он готовился к сложному разговору с женой, так как решения уйти не переменит уже никогда. Камилла ни о чем не думала, она просто смотрела на улицы, на длинный ряд фонарей по обеим сторонам дороги, шурилась от света встречных фар. Она привыкла к ощущению обманчивой стабильности, да что поделать – существуют границы, которые переступать не всегда возможно.

Платон затормозил на условной границе между их домами, его дом впереди, а ее остался сзади, потом потянулся к Камилле. Целовались долго, как последний раз, но так бывает регулярно после свиданий, когда они расстаются.

– Иди, – наконец сказал он.

Она вышла из машины и быстрым шагом шла к своему подъезду, а он смотрел на нее в зеркало над лобовым стеклом. Собственно, назад он смотрел не только глазами, мысль перенесла его во времени тоже назад, а это не самая приятная страница. Платон наделал много

ошибок, расплачивается за них сейчас – вот и не верь в волшебную силу бумеранга. И загадал: если Кама оглянется, это будет хороший знак – все пойдет, как он задумал.

Перед тем как войти, она оглянулась всего на секунду и забежала в подъезд, глупо, но Платон повеселел. Тихонько тронув машину с места, он подъехал к своему дому и поставил авто перед подъездом, освободив проезжую часть. Поднявшись в лифте, он вышел на площадку, долго искал ключи, каждый раз они как будто прячутся, не хотят пускать его в квартиру, где атмосфера стабильного недопонимания и неприятия.

Татьяна не вышла встречать загулявшего мужа. Дуется – это ожидаемо. Не спит, отметил он, ведь горит свет повсюду. Лучше сразу поставить точки и уехать, ни в коем случае не оставаться на ночь, не пугаться ее истерик, не вестись на уговоры. Платон заглянул на кухню, часто Татьяна ждет его там и заливает ревность спиртным, он ошибся – там было пусто. Поднялся на второй уровень квартиры и застопорился, уставившись на пол. Не сразу услышал, как в кармане звонит смартфон, это была Камилла.

– Что, Кама?

– Платон... – всхлипывала она. – Прости... я вынуждена позвонить...

– Ты плачешь? Что случилось?

– Платон... Ты можешь сейчас прийти?.. Нет-нет, не отказывайся, нет! Очень прошу тебя... Скажи что-нибудь Тане, но приди... Платон, пожалуйста... умоляю... Если не придешь, я умру.

Непрерывный звонок вынудил Настю...

...бросить ювелирную работу, она как раз принялась рисовать карамелью и глазурью забавные рисунки на пряниках, предназначенных в подарок друзьям. Однако пришлось бежать в прихожую, а глазурь быстро застывает, придется ее подогреть. На вопрос «Кто там?» с удивлением услышала голос мужа и поспешила открыть дверь.

Настя попятилась, так как сначала «вошли» пакеты, за которыми не было видно Феликса, а потом и он ввалился точно медведь – шумно, заполняя собой маленькую прихожую. Вообще-то, его всегда много в помещениях любого размера, в компаниях только и слышно Феликса, за словом в карман не полезет, рядом с ним все становятся незаметными – Настя видит его таким. Впрочем, он и сам большой: высокий, крепкий, с рельефными и притягательными чертами лица. Голову она потеряла с первого взгляда, позже выяснилось, он тоже, хотя с его опытом ловеласа верилось в это с трудом.

– Звоню, звоню... – наиграно заворчал Феликс, ставя пакеты на пуфик под зеркалом, самые легкие свертки попадали. – Заснула?

– У тебя же ключ есть!

– Так обе руки заняты, третью еще не пришил.

– Не шуми. – Настя чмокнула его в щеку и присела, чтобы поднять свертки, тут-то и заметила большую коробку. – А что за коробка?

– Подарок, – ухмыльнулся Феликс. – Открывай.

– Подарок? Ладно, неси в комнату.

В комнате он поставил коробку на столик у дивана, сам разлегся в кресле, вытянув вперед длинные ноги, и приготовился наблюдать за реакцией Насти. Сегодня у нее день рождения, исполняется целых двадцать три года! Глядя на юную красавицу жену в данную минуту, Феликс вспоминал, как отвоевал ее у нее же самой, оттого и улыбался во весь белозубый рот. Это сейчас история видится ему смешной, а год назад было совсем не до смеха, когда искали группу преступников-маньяков, которые намеревались принести в жертву и Настю, только характер помог ей не впасть в отчаяние и убежать от них.

Отчим Насти верно говорит про нее: сладкая, как конфета. Но помимо красивой внешности, она большая умница, обожающая дом, отсюда и хозяйка исключительная, отважная,

любящая... До нее Феликс полагал, что никогда не женится, а что, удобно: пришла-ушла, на эти ни к чему не обязывающие отношения Настя не согласилась, пришлось затащить в постель только через ЗАГС.

Она плохо справлялась с упаковкой, кряхтела-сопела, закусив нижнюю губу, шурила зеленоватые глазищи, короче, без его помощи ей не обойтись. Феликс отстранил молодую жену и стал открывать коробку варварским способом, главное, ни разу не пожалел, только приходил в ужас, стоило подумать, что мог лишиться такого ценного подарка в жизни.

– Куда ты так рвешь? – теперь возмутилась Настя. – Поаккуратней! Коробка пригодится, я там буду хранить...

– Мы ее выкинем, а для хранения купи подходящую тару.

Несколько резких движений и – Настя забыла про какую-то картонную тару, открыла ротик, вытаращила глаза, в которых засверкали фейерверки восторга. На столике стояло чудо – беленькая, аккуратненькая, красивейшая, стильная швейная машинка.

– Это мне? – вымолвила Настя почти шепотом.

– А что, у меня еще есть жена? – хихикнул Феликс.

– Но... Это же... так дорого...

– Не дороже денег. – И разгневался. – Слушай, ты о чем думаешь? Вопрос так стоит: нравится или нет? Не нравится – выкину с балкона.

Конечно, он пошутил, однако Настя до сих пор не понимала, где проходит грань между серьезом и шутливостью, потому мгновенно обхватила Феликса за шею и затрещала:

– Нет, нет, нет! Мне нравится. Очень-очень. Я люблю тебя!

– Забыла: очень-очень.

– Очень-очень люблю.

В доказательство она приподнялась на цыпочки и подставила губы, но длительному поцелую не суждено было состояться – раздался телефонный звонок. Феликс обязан реагировать на все звонки, хотя бы посмотреть, кто звонит, оказалось, это Терехов, ему не ответить – совершить сразу тысячу грехов и еще немножко.

– Паша? – воскликнул Феликс, отстранив Настю, а она и не обиделась, сейчас ее занимала целиком и полностью только швейная машинка. – Паша, не успел уехать, уже звонишь?

– Я назад еду, буду завтра.

– А что так?

– Звонило начальство, два убийства в многоэтажках по соседству со странными обстоятельствами, они как-то связаны между собой. Заверил, что заняться некому, просил войти в положение. Да! Ехать тебе в мой район, только к новым домам.

– Два убийства в разных многоэтажках и уже ясно, что они связаны? Я все правильно понял?

– Угу. А я пока ничего не понимаю, так что поезжай и разбирайся.

– И кого пришили?

– Женщину и мужчину.

– То есть оба убийства теперь наши. – Феликс интонацией дал понять, что его новые трупы не радуют. – А то, что у тебя отпуск...

– Уже безделье надоело.

– Быстро. Паша, у моей Насти день рождения сегодня.

– Помню. А разве она не знала, за кого замуж выходит? Короче, Феликс, эксперты и Вениамин с Женькой должны быть там. До встречи.

Феликс опустил руку с трубкой, повернулся к Насте, а та... на коленках стоит и занята исключительно подарком. Внезапно наступившая тишина все же заставила ее взглянуть на мужа и спросить:

– Что случилось?

– Мне надо... – И сел в кресло, ну, очень не хотелось ему ломать сегодняшние планы. – В общем, любимая... у нас два убийства.

– Так почему сидишь?

– Настя, это на целый день.

Она поднялась с колен, присела на подлокотник его кресла, обняла, но главное, успокоила:

– Если переживаешь, что оставляешь меня одну в мой день рождения, то напрасно. У меня куча работы на кухне – я готовлю всем сюрпризы, потом очень хочется освоить это беленькое чудо, позже и займусь твоим подарком. А когда вернешься, мы, как и планировали, отметим вдвоем, я дождусь тебя.

– Тогда... хоть поесть дай.

– Ой, прости! Я принесу сюда, кухня занята...

– Не-не! Сделай бутер, по дороге съем.

Быстренько Настя соорудила два многослойных бутерброда, в термос налила фанту собственного изготовления, все вручила мужу и, проводив его до двери, вернулась к швейной машинке. Но только постояла немного, любуясь своей мечтой, превратившейся в явь, и отправилась на кухню.

Нетрудно догадаться, в каком доме и подъезде труп.

У подъезда стояли полицейские автомашины и личный транспорт, к тому же Сорин Женья поджидал именно Феликса, едва завидев его машину, он двинул навстречу, подняв руку. Поначалу Жека показался опытному оперу никаким, ну, симпатичный – не более, слишком молодой – не критично, меланхолик, а в понимании Феликса – нытик. В группу Терехова попал сразу из учебки, Павлу на его первое дело отдали неперспективных ребят, включая Феликса, однако за год тесной работы все показали себя асами. Нет, на самом деле Жека старается быть непроницаемым, это своего рода защита, в то же время он с чувством юмора, старательный и педантичный. Пожалуй, последнее определение Феликс отнес бы к недостаткам, так как сам, в зависимости от обстоятельств, склонен к импровизации, которую начальство считает анархизмом.

Сорин помог припарковаться, показывая, куда ставить машину, он и в данном случае подошел сугубо рационально к такой ерунде как парковка: транспорт не должен мешать никому из жителей, в общем, типичный зануда. Феликс вышел из машины, ребята ударили ладонями, после чего Сорин поднял указательный палец вверх, сообщив:

– Пятый этаж. Мужчина. Застрелен. Соседи выстрелов не слышали.

– А видеонаблюдение?

– Видеонаблюдения в подъезде нет.

– Как так? В таких скворечниках живут состоятельные персоны.

– А ты разве не знаешь, что богатые самые жадные? Думаю, здесь сработал фактор исключительности, ну, типа – мы особые, нам некого бояться, никто не посмеет и так далее. Идем?

Оба двинули к подъезду, но Феликс не спешил ринуться к трупу, шел медленно, о чем-то думая. Сорин не поторапливал его и не мешал болтовней, в том же темпе шагал рядом, пока не услышал вопрос:

– А как узнали, что в двух скворечниках по жмурику? Согласись, нетипичная ситуация.

– Аудиозапись есть. Тоже, ну, очень нетипичная. Пересказывать не имеет смысла, тебе надо прослушать самому, обещаю: будет, ну о-очень интересно.

– Заинтриговал. Ладно, вперед.

Эх, жалко, у подъездов в подобных многоэтажках не сидят бабули – вот где кладезь информации, причем, иногда настолько ценной, что поворачивает ход следствия по другому пути. Осталось лишь повздыхать, сожалея, что бабуль богатые родственники не забирают к

себе жить, да и скамеек у подъездов нет, где старушки могли бы щебетать друг с другом о жизни. В лифте Феликс вспомнил:

– А кто из морга приехал?

– Она, она, – усмехнулся Сорин.

– О, нет... – застонал Феликс, сморщившись и легонько стукнувшись затылком несколько раз о стенку лифта.

– Да, да, – закивал Женя, посмеиваясь, ибо знал, как «обожает» Феликс Ольгу Коноплеву.

Если уж на то пошло, она отвечает ему не менее сильной взаимностью. Однако с той лишь разницей, что у Ольги это идет из глубины души, окрашенной в мрачные тона, а у Феликса замешана нелюбовь на ее профессиональных возможностях, точнее, на отсутствии оных. Заходя в квартиру, Феликс произнес с досадой:

– Почему нам так не везет? Постоянно Коноплю присылают.

– Не знаю, не знаю, – пожал плечами Сорин. – Божья кара или нехватка кадров. Знаешь, не всякий чел горит желанием потрошить трупы, иногда сильно протухшие, но сегодняшние два – свежак.

Вошли, надо полагать, в гостиную, на это указывал интерьер, который Феликс не стал рассматривать, другое бросилось в глаза. Труп «сидел» точно напротив входа в глубоком кресле у стены, причем с открытыми глазами. Нет-нет, он не производил впечатления ни живого, ни даже полуживого, хоть и смотрел на всех полузакрытыми, будто пьяными, глазами. Это мертвый человек. Нечто нелепое показалось Феликсу в фигуре убитого, возможно, из-за воротника, который находился выше шеи и выше затылка, словно убитый пытался выскользнуть из пиджака и соскользнуть на пол. На самом деле после выстрелов тело просто немного сползло по спинке кресла и замерло, а Феликсу пришла на ум дурацкая мысль, что пиджак великоват.

Вениамин, тоже опер, фотографировал труп по собственной инициативе, однажды его снимки очень дажегодились, это было в деревне, где парень работал участковым. Кивнув Феликсу, он продолжил снимать столик с бутылкой шампанского и тремя бокалами, криминалист Огнев, энергичный мэн средних лет, работал тут же – искал отпечатки на столешнице. Ольга колдовала над трупом, сидя на скамеечке, которую постоянно возит с собой, к ней и подошел Феликс:

– О, Мариxuана... Как давно я тебя не видел...

Мариxuана – наиболее ласковое обращение, ее фамилия будит фантазию Феликса, ведь конопля растение многогранное. Ольга взглянула на него, глаза у нее дьявольские, нет, не в смысле – прекрасные или колдовские, они непонятного цвета: то серые, то бесцветные, то почему-то темные, словно из них на тебя смотрит кто-то другой, некая inferнальная и недобрая сущность. Чтобы не сунуть ответную шпильку – так это будет не Ольга, она парировала на ядовитой ухмылочке:

– Я тоже тебе не рада.

– Ладно, один ноль в твою пользу, я запомнил. – Нет, она не обидела его, напротив, Феликс развеселился. – Что скажешь дельного, умного, полезного?

– Пока только то, что в теле этого господина несколько пуль. Когда раздену его у себя, потом вымою это шуплое тельце, тогда и назову точное количество.

Конечно, ведь рубашка на трупе черная, Оля сидит в километре от него, дырки посчитать на черном фоне ну никак невозможно. М-да, это Конопля, она не преминет намекнуть, что без ее участия вся группа гроша ломаного не стоит, а потому будет тянуть резину до последнего, чтобы остальным служба медом не казалась. Ему ничего не оставалось, как задать следующий программный вопрос:

– Ну, хотя бы время убийства можешь сказать?

– Вчера вечером. Пока только это. Не смотри на меня, как на заклЯтого друга, я приехала буквально перед тобой, еще не успела просчитать.

Феликс усмехнулся про себя: тридцатилетнюю старую деву (оттого злющую, хотя, скорее всего, она не дева) прорвало на юморок, обычно Оля стервь стервячая. Если б жили они при дворе короля Людовика (неважно какого по счету) Конопля стала бы непревзойденной отравительницей, причем собственного яда ей хватило бы на всю команду придворных. Феликс уже открыл было рот, чтобы его слово стало последним, да тут подошел Вениамин и предложил:

– Двинем ко второму трупу? Тут пока без нас обойдутся. Я сфоткал все комнаты, включая кухню и ванную с прихожей. На всякий случай для Терехова.

Молодые люди отправились втроем в соседний дом, квартиру сторожил юноша из полиции, он сидел в прихожей, уткнувшись в смартфон. А квартирка-то – просторная, двухуровневая, мебель стильная, невольно троика остановилась и осматривалась.

– Богато, – выразил общее мнение Сорин.

– Знаете, что меня поразило? – готовя камеру к работе, произнес Вениамин. – Никого из любопытствующих нет ни здесь, ни в том доме. Соседи, те, кто дома оказался, ничего об убитом не смогли сказать, они его не знают! Обалдеть! А живут на одной площадке. Никто не вышел узнать, что случилось у соседей, к которым пожаловала полиция.

– В этих домах, Веня, живут граждане, которые с ужасом и не без причин ждут полицию в свою квартиру, – индифферентно сказал Сорин. – Мы для них – как плохая примета, как черная кошка, перебегающая дорогу.

Вениамин не обратил на его слова внимания, он о своем долбил:

– У нас в деревне, когда узнали, что тетку Гришак нашли мертвой, собрались люди у ограды, во двор даже не вошли. Стояли и тихонько переговаривались, чтобы не мешать нам работать, сочувствовали, женщины слезы утирали, а здесь... я с трудом нашел понятых, одного с улицы заманил.

– Да, урбанизация отдаляет людей друг от друга, – философски заявил Сорин. – Вот как жену искать в таких нечеловеческих условиях?

– На работе, – сказал Феликс. – Я же нашел.

– Труп на втором этаже, – указал в сторону закругленной лестницы Вениамин и первым двинул туда.

Все трое поднялись наверх по ступенькам, не касаясь руками перилл, и сразу же увидели женские босые ступни на полу в дверном проеме, остальное тело находилось в комнате, его перекрыла дверь. По тому, как лежали ступни – пятками вверх, ясно, что женщина лежит ничком, Вениамин сфотографировал эту часть ног, вдруг Сорин позвал их:

– Мужики, идите сюда!

Он стоял у перилл, ограждающих площадку, где все трое находились, так что далеко идти не пришлось. Когда Феликс с Вениамином подошли, Женя указал глазами и подбородком вниз. Да, отсюда отлично виден столик, окруженный креслами, на нем три длинных бокала, бутылка дорогого вина и ваза с шоколадными конфетами. Как-то так получилось, что Феликс с Вениамином одновременно перевели взгляды на Женю, мол, и что ты там нашел?

– Три бокала, – ответил Женя, как будто этого никто не заметил. – На столе у Пешкова тоже три бокала.

Поскольку Феликс молчал, Вениамин уточнил у Сорина:

– Намекаешь, что убийц было двое там и тут? – Женя утвердительно кивнул. – И это одни и те же люди? – Тот снова кивнул с самым умным видом, какой смог соорудить на своей мальчишеской физиономии. – Феликс, а ты как думаешь?

– Никак, – ответил тот и отправился к трупу.

– Почему – никак? – опешил Женя. – Все и так понятно.

– Понятно, это когда можешь назвать имена преступников, – возразил Феликс, не оборачиваясь. – А мне будет понятно, но кое-что(!), когда княжна морга исследует трупы и хоть

что-то полезное вытащит оттуда, в чем я сильно сомневаюсь. Но есть еще криминалисты. Вот тогда и стану делать выводы, думать о версиях вместе с Тереховым, не раньше. Вы оба тоже.

Подойдя близко к двери, которая открывалась наружу, он стал так, чтобы заглянуть в достаточно широкую щель и увидеть все тело. Желательно ничего не трогать, пока не сделают свою работу эксперты, Феликс обуздал искушение приоткрыть немного больше дверь – на ней в любом месте могут оказаться «золотые» пальчики при условии, что преступники здесь что-то искали.

Одета женщина в длинный шелковый халат оранжевого цвета, спина в крови и на ней видны дырки от пуль. Удалось ему немного рассмотреть лицо, но частично: профиль, подбородок и губы с носом закрыла прядь волос, понял, что убитая не старая.

– Эй! – крикнул снизу Сорин, он уже там шастал. – А тут ее тапки! Чего это они здесь валяются? Ну, спуститесь, посмотрите.

Первым сбежал по ступенькам Вениамин. Кто бы мог подумать, что этот двадцатипятилетний парень способен легко двигаться, при небольшом росте он довольно плотный, сбитый, как пуховик, круглое лицо серьезное, Веня все делает степенно и основательно. Домашние туфли синего цвета на каблуке с меховой опушкой находились далеко друг от друга, Женя поспешил поделиться мыслями:

– В разных местах валяются, видите? Думаю, она убегала от убийц, хотела закрыться в спальне, и на бегу сбрасывала тапки.

– Сорня-ак... – перебил его Феликс. – Не части. И не спеши с выводами, как правило, первые впечатления не бывают верными, я же говорил. Купи таблетки для памяти.

– От пули, Жека, далеко не убежишь, – высказался Вениамин. Он обладатель завидной наблюдательности, сообразительный, впрочем, Женька Сорин тоже далеко не дурачок. – Раз преступник пришел сюда с пушкой, то хозяйка, разгадав его намерения, не добежала бы до лестницы. А подтверждает мое предположение труп мужчины в первой квартире.

Женя очень дотошный, он будет монотонно долбить в одну точку, пока не упорядочит мысли, однако тем Сорин и полезен:

– А как же она очутилась наверху, при этом потеряв тапки внизу? Стреляли ей в спину наверху, правильно? Не слышу – правильно?

– Судя по всему... да, – нехотя подтвердил Феликс.

– Она так и упала – плашмя в комнату, – доказывал Сорин уже Вениамину. – Что, есть еще варианты?

Пожав плечами, но ничего не сказав, Веня защелкал фотоаппаратом, снимая изящные тапки со всех сторон крупным и общим планом. Феликс тоже оставил Женю без ответа, дав задание, поскольку без Терехова главный он:

– Сбегай-ка к соседям, постарайся добыть хоть какую-нибудь информацию, у тебя это хорошо получается, ты же у нас обаяшка. А мы тут побродим.

– Вот так всегда: самый нудный участок работы достается мне, – забухтел Женя, идя к выходу.

В ответ на бухтение Феликс повелительно выставил руку с указующим перстом в его сторону:

– Самый ответственный!

Он прошелся по гостиной, остановился у столика с чашками и присел на корточки, так как на блюде увидел надкусанную конфету с четким отпечатком зубов. Это улика, она может оказаться бесполезной, а может сыграть важную роль.

– Н-да... – протянул Феликс, выпрямляясь. – Мы надолго застряли.

Шел третий час дня.

Тяжелые шторы плотно закрывали окно, не пропуская солнечные лучи, только поэтому удалось проспать чуть ли не до вечера. Платон еще спал, а Камилла тихонько поднялась, набросила легкий халатик и бесшумно выскользнула за дверь. Умывшись, она отправилась на кухню, понимая, что с мамой разговор будет непростой, но от него никуда не деться, стало быть, надо запастись терпением, выдержкой и пониманием. К счастью, Камилла не относится к вспыльчивым людям, внешне она всегда в ровном состоянии, а что уж там у нее внутри – туда никому не проникнуть, включая родную мать.

Дачный дом, перешедший к матери от ее родителей, достраивался и перестраивался, когда водились деньги, оттого смотрится необычным, словно его собрали из коробочек разной величины. Мебель здесь повсюду старая, однако теплая, навевающая приятные воспоминания о том времени, когда были живы дедушка с бабушкой. Единственное по-настоящему большое помещение – кухня, совмещающая и столовую. Камилла присела за длинный стол, накрытый клетчатой скатертью, и потянулась к яблоку в вазе. Есть не стала, просто нюхала, августовские яблоки из сада удивительно пахнут. Надежда Артемовна жарила-парила у плиты и спиной почувствовала, что кто-то пришел, оглянулась и снова вернулась к своему занятию, спросив:

– Чай? Кофе?

– Кофе... если только с молоком, – сказала Камилла.

Мать поставила перед ней фаянсовую кружку:

– Молоко в холодильнике, сама возьми.

– Конечно, – смутилась Камилла.

Ее мама не прислуга – это она усвоила с детства, хотя Надежда Артемовна свои обязанности ни на кого не перекладывала, но у нее четко все распределено, от правил она не отступает. Ей сорок девять, да, она бабушка, но Ваню незнакомые люди принимают за ее сына, а не внука – Надежда Артемовна отлично сохранила красоту, фигуру, статью, модно одевается, а ведь могла согнуться «под ударами судьбы». Нет, только не она, характер у нее не просто железный, он из нержавеющей стали.

Платон и Камилла приехали ранним утром, разумеется, у матери глаза выкатились наружу, правда, ни одного вопроса она не задала. Дочь отправила Платона отдыхать, он едва держался на ногах, а сама вкратце рассказала, что произошло, ведь скрывать не имело смысла. Надежда Артемовна после длинной паузы, не задав ни одного дополнительного вопроса, выдала всего четыре слова:

– Иди спать, завтра поговорим.

Сейчас Камилла пила кофе с молоком, стреляя глазами в прямую спину у плиты, в небрежно закрученные пряди на затылке, но не решаясь вернуться к главной теме. Ей и Платону очень нужна помощь, вопрос только – какая? Смешно, Камилла всегда боялась матери, еще смешнее то, что Надежда Артемовна никогда пальцем ее не тронула, голос повышала в исключительных случаях. Наверно выдержкой она в маму, а вот твердости в характере не переняла, не унаследовала и ее разумности, и категоричности, Камилла совсем другая.

– И давно это у вас? – спросила Надежда Артемовна

Тут и козе понятно, о чем вопрос, Камилла, еще когда ехала сюда в машине с Платоном, решила быть с матерью честной до конца, поэтому скрывать не стала:

– Три года.

– М! Три... И конечно, вы не птичек считали на ветках в квартире Платона. Целых три года наставляли рога своим вторым половинам, но ни Костя, ни жена Платона не догадывались. Молодцы, крутые конспирологи – разумеется, это не похвала. Про Ваньку он знает?

– Да. Высчитал.

– Вот как! Высчитал, значит.

Надежда Артемовна выключила плиту и, наконец-то, повернулась лицом к дочери. Камилла чутко уловила сдерживаемый гнев в интонации матери, что случалось крайне редко, но все-таки случалось, и опустила ниже голову, слушая чеканку из слов:

– Оказывается, он арифметику знает. Ты сказала ему о беременности, когда было три месяца, остальные месяцы до появления Ваньки подсчитать – пара пустяков. А ты не припомнила ему, что он тебе сказал тогда? Я, например, помню твои слезы, отчаяние, желание сидеть в комнате с задернутыми шторами. Помню, как я боялась оставлять тебя одну, чтобы ты не натворила глупостей...

– Мама! Мне двадцати не было, а ему...

– А ему было двадцать четыре, вполне себе возраст для мужчины зрелый, чтобы брать на себя ответственность.

– Платон сто раз пожалел...

– И почему же не бросил свою нелюбимую жену? Ведь изменяют, когда не любят, я правильно понимаю? Так почему?

– Потому что я запрещала. Я не могла бросить Костика.

– У... как у вас все запущено, – протянула Надежда Артемовна с иронией. – Неужели тебя устраивало положение любовницы человека, который один раз уже предал? Значит, бросить Константина ты не могла, но спокойно изменяла мужу. Тебе не кажется, что твоя позиция аморальна, оскорбительна? Все же Костя взял тебя с чужим ребенком, холил, баловал, Ваньку любил...

– Поэтому и не бросала его, не хотела причинять боль.

Мать оперлась ладонями о стол и наклонилась к дочери, пытаясь заглянуть ей в лицо, но та не поднимала головы.

– А может, причина другая? – спросила.

– Какая?

Вот и подняла личико Камилла, Надежде Артемовне важно видеть глаза дочери, кстати, они у нее такие же, как у матери.

– Ты знала: Платон ненадежный, в любой миг может положить конец вашим отношениям, потому и не бросала Константина – надежного, любящего, верного.

– Нет, мама... – попробовала возразить Камилла.

– Да, – не захотела слушать возражения Надежда Артемовна. – Не верю, что можно легко простить подлость.

Неизвестно, до каких границ дошел бы невеселый диалог, как правило, подобные разговоры приводят к отчуждению и размолвке, внезапно раздавшийся голос Платона, наверное, спас ситуацию:

– Добрый день.

Надежда Артемовна выпрямилась, обернулась, задержала сканирующий взгляд на незнакомом, да и нежеланном госте, после, идя к плите, проворчала:

– Добрый? После ваших утренних вестей? Думаю, добрых дней нам теперь долго не видать. Садись, Платон, что бы ни произошло, а мозг работает лучше, когда тело сыто.

– А Ваня? Где он? – подала голос Камилла, удачно убежав от предыдущей скользкой и опасной темы.

– Четвертый час, Ваня давно пообедал, – бросила через плечо Надежда Артемовна. – Скоро прибежит за перекусом.

Тем временем Платон сел рядом с Камиллой, не решившись поцеловать ее хотя бы в щеку, но положил на кисть руки свою ладонь. Надежда Артемовна поставила на стол салат, котлеты, супницу, сама села напротив, переплетя пальцы и уткнув в этот замок нос, переводила глаза с дочери на Платона и обратно на дочь. Некомфортно сидеть под зорким оком предположительно будущей тещи, при условии, что повезет вырваться из жутких обстоятельств, а уж

обедать – кусок в рот не полезет. Платон решил наладить хоть какой-то контакт с женщиной, от которой волны негатива обдавали обоих беглецов:

– Надежда Артемовна, мы не хотим ничего скрывать от вас и не будем, вы спрашивайте, если есть вопросы.

– Есть, есть, – выговорила она со вздохом. – Что намерены делать?

– Сначала найдем жилье в какой-нибудь деревне поблизости... нам необходимо затеряться... но чтобы до города было легко добраться. Как устроимся, начнем выяснять, кто и почему убил Татьяну и Константина. Нам предстоит доказать самим свою невиновность, иначе убийства повесят на нас.

– Может, мы останемся здесь? – робко спросила Камилла и перевела взгляд на мать, мол, ты же не выгонишь нас?

– Полиция не сегодня-завтра обязательно приедет сюда, – разумно рассуждала вслух Надежда Артемовна. – Здесь нельзя даже задерживаться.

– Вы правы. Что ж, мы отдохнули, пришли в себя...

Платон не договорил, Надежда Артемовна, перебив его, одернула повелительным тоном:

– Не торопись.

Она поднялась и ушла к окну, вернулась, держа в руках смартфон, с которого шел звонок. Наконец раздался мужской голос по громкой связи:

– Надюша, ты? Признаться, удивила. Что-нибудь стряслось?

– Стряслось, но об этом не по телефону, – сухо ответила она в трубку. – Ты много лет подряд не раз высказывал страстное желание помочь мне и Камилле, вот и представился случай. У нас большие проблемы, можно сказать, катастрофичные. Ты можешь приехать? Срочно приехать?

Это все что угодно, но не просьба – требование, приказ, а то и попросту команда типа «апорт!». Видимо поэтому у мужчины на другом конце связи возникла сначала пауза на осмысление, потом он произнес немного растерянно:

– А... насколько срочно, Надюша?

– Немедленно. Сел в машину и приехал – не знаю, как еще объяснить. (Снова пауза.) Не можешь? Так и скажи, мы никаких претензий...

– Я приеду, – перебил ее мужчина теперь уже слегка раздраженно, но, право слово, такой напор, который продемонстрировала Надежда Артемовна, ангела выведет из себя. – Просто в данную минуту решаю задачу, как быстро смогу свернуть дела. Я же не принадлежу только себе, от меня люди зависят... Мне понадобится час, может, чуть больше, ну и примерно час на дорогу. Через два-два с половиной часа устроит?

– Вполне. Мы ждем.

Она пошла к окну, чтобы положить смартфон на подоконник, паузой воспользовался Платон, наклонившись к Камилле, он шепотом спросил:

– С кем разговаривала Надежда Артемовна?

– Так моя мама может говорить только с одним человеком – моим отцом, – в тон ему ответила она.

– Отцом?! У тебя есть отец?

– Но я же есть, по логике отец у меня тоже есть.

– Я думал... Ты никогда не говорила о нем.

– Потом, потом...

В этот миг Надежда Артемовна развернулась, а дочь и Платон, как школьники перед строгой учительницей, выпрямили спины. Она не обратила на них внимания, потому что в кухню вбежал Ваня, рванувший с порога, никого не замечая, к столу у плиты, там стояло блюдо с пирожками, один он схватил и – в рот. Бабушка, конечно, переключилась на внука:

– О! Вот и наш Иванушка. Почему такой грязный?

– Мы ужиков искали, – ответил мальчик с набитым ртом.

– Понятно. Посмотри, кто приехал...

– Мама! – кинулся к Камилле с визгом Ваня, обнял ее за шею, не выпуская пирожка из рук. – Ма-а-а-а...

Мальчик явно не страдает отсутствием аппетита, он здоров физически и морально, набегавшись, примчался с красными щеками, будто их намазали свеклой, со спутанными темными волосами. Камилла обнимала его, целовала личико в грязных потеках, оба смеялись, радуясь встрече.

Всякий раз, когда она обнимала сына, одновременно вспоминала, как намеревалась избавиться от Ивана. В то время она не соображала ничего, а сейчас ее терзала жгучая вина за те мысли, продиктованные страхом остаться наедине с маленьким ребенком. Почему-то Камилла сразу отсекала помощь излишне принципиальной и строгой матери, боялась навлечь на себя ее гнев, а как было стыдно... словно она последняя шлюха из притона.

Надежда Артемовна уловила: с дочерью что-то не так, наблюдала за ней и поймала с таблетками – какая пошленькая тривиальность, безответственность. Мать не позволила ни умереть ей, ни избавиться от ребенка, поймав за руку дурочку. Без сюсюканий, а со свойственной прямоотой Надежда Артемовна объяснила, что за удовольствия тоже надо платить, так устроен мир, платят все абсолютно. Кто-то дальнейшими успехами – если не нарушит законы мироздания, а кто-то крахом амбиций, когда переступит через все запреты. Расплата Камиллы – ребенок, она обязана его принять, и это не наказание, а наука. Впавшей в депрессию бедняжке сложно было понять, о чем шала речь, тем не менее суровая и бескомпромиссная Надежда Артемовна поддержала ее и окружила заботой опять же без сюсюканий.

– Боже мой, Ваня... – отстранив от себя сына, рассмеялась Камилла, забыв на минуту о двух смертях за плечами. – Какой ты грязнущий... а чернозем под ногтями... Мама, он легко одет, ведь на улице прохладно.

– Ничего, пусть иммунитет тренирует, – сказала бабушка.

Ваня лишь шмыгнул носом, спрятав руки за спину, и, нахмутив брови, уставился на маму серо-голубыми глазами, показывая своим видом, что его устраивают потеки и грязные руки.

– Ма, а где папа? – вдруг вспомнил мальчик.

Папа... и болезненный толчок в сердце на миг перехватил дыхание Камиллы. Она погладила его по щеке, натянув улыбку, но ответить... А что отвечать ребенку?

– Он уехал, – подсказал Платон.

– Дядя Платон! – наконец заметил Ваня гостя, несмотря на то, что тот сидел рядом с мамой. Но мужчины однозадачные существа, Ваня пусть маленький, но тоже мужчина. – Привет, дядя Платон.

– Привет, дружище, – протянул тот ему руку.

Мальчик по-мужски и со всего маха ударил своей ладошкой о мужскую ладонь, затем снова повернулся к Камилле, задав следующий вопрос:

– Ма, а папа надолго уехал?

– Очень надолго... – вымолвила едва слышно она, гадая, как долго придется врать сыну. – А что у тебя под футболкой шевелится?

Ваня запустил руку за пазуху и вытащил... Камилла, инстинктивно вскрикнув, подскочила с места, увидев змею, сын поспешил успокоить всех:

– Это ужик! Ужик! Мама, не бойся, он не кусается, только щиплется. Я же говорил, мы ужика искали... и нашли.

– Что, страшно? – злорадно ухмыльнулась Надежда Артемовна. – Да, так и живу с лягушками, ужаками, ящерицами. Постель проверяю перед сном, чтобы не лечь рядом с рептилией. Привыкай, Камилла, он у нас натуралист, главное, чтобы крокодила не завел.

– Ванечка, сынуля, – зачирикала дочь, не решаясь приблизиться к нему. – Ты не хочешь выпустить змейку на волю? Ей там будет хорошо...

– Не хочу, – заявил Ваня с вполне взрослой категоричностью, характер у него, по всей видимости, бабушкин. – Мы с пацанами полдня искали его, палочками норки ковыряли. В аквариум посажу, там ему будет хорошо, я подготовил среду обитания. Буду наблюдать, как он в спячку впадет.

– Ладно, – сдалась Камилла. – Тогда давай в аквариум ее... его... ага? И пойдем руки мыть?

Мальчик с места не сдвинулся, на помощь пришла бабушка:

– Ива-ан... Что мама сказала?

И хотя Надежда Артемовна не повысила голоса ни на полтона, ребенок понял: несмотря на приезд мамы, бабушка здесь все равно остается генералом. Вздохнув тяжело, Ваня подчинился и отправился с ужином в свою комнату, Камилла последовала за ним. Лишь только затихли на втором этаже шаги и голоса, Надежда Артемовна подошла к столу, села напротив Платона, получив возможность высказаться:

– Пока нет Камиллы и Вани, хочу кое-что сказать тебе... Видишь ли, герой-любовник, у моей красавицы дочери и внука была нормальная, благополучная жизнь, был любящий муж, а у Ваньки любящий отец, но вдруг явился ты... Не перебивай! – подняла она ладонь, упреждая желание Платона возразить, но опять не повысив голоса. – Появился ты и снова навалились проблемы: твоя жена убита, но почему-то убит и муж Камиллы. В один день! То есть вечер. Тебе не кажется это чересчур странным?

– Кажется, – наконец и он вставил слово. – Я пока не знаю, не понимаю связи, но обещаю разобраться.

– Да уж попытайся. Не хочу, чтобы моя дочь угодила в тюрьму. Один раз ты едва не убил ее, кстати вместе с Ваней, я не позволила ей умереть, следила за каждым шагом. Так вот, если ты задумал что-то дурное, если хитришь и снова обидишь мою Камиллу, тем более нашего Ваньку, я тебя в порошок сотру. Запомни, Платон, хорошо запомни, я не шучу.

Уф, ее слова – просто серпом по одному очень болезненному месту, но Платон прекрасно понимал, чем они вызваны, чай не дурак. Вина-то лежит на нем, он ее осознает, отсюда, затолкав обиду глубоко внутрь, Платон предпринял попытку направить диалог в мирное русло:

– У меня нет задней мысли, Надежда Артемовна, поверьте.

Куда там мирно – она огрызнулась:

– Трудно мне верить тебе, трудно.

А как трудно ему говорить с ней, она не только не принимает его, но даже не скрывает этого хотя бы из вежливости! К тому же они в неравном положении, у Надежды Артемовны преимущество: она на своей территории, а потому нападает, предъявляет претензии таким образом, что Платон вынужден помимо желания оправдываться. С другой стороны, если бы он сейчас находился на своей территории, было бы иначе? Вряд ли, воспитание не позволило бы хамить, а потому он придерживался умеренной тональности:

– А вы поверьте. Я много раз просил Камиллу переехать ко мне вместе с Ваней, для этого купил квартиру, кстати, на свои заработанные деньги, а не на деньги жены, – на всякий случай уточнил. – Но она всегда отказывалась...

Он осекся, так как Надежда Артемовна закачала головой, причем выражение ее лица стало кислым-кислым. Этой женщине что-либо объяснять – легче головой потолок пробить.

– А тебе не приходило в голову, – заговорила она после паузы с упреком в интонации, – что у нее есть моральные границы? Да, она не смогла, встретив тебя, пройти мимо, но Костя... Это он женился на беременной Камилле. Он встречал ее из роддома, потом растил Ваню, заботился о них тоже он. Ютились в одной комнате, Константин пахал, как папа Карло, чтобы создать условия жене и сыну. Кстати, Камилла не работала ни дня в своей жизни, институт

по твоей милости бросила, занималась домом, воспитанием сына, ей нравилось. Считаешь, за все это она обязана была заплатить черной неблагодарностью только потому, что появился ты? Если б я знала раньше, что у вас снова интрижка...

На этот раз Платон позволил себе перебить ее:

– У нас не интрижка. Я люблю Камиллу, Ваню само собой...

– Опять: я... я... я... А тогда, выходит, не любил?

– Любил! Но... дурак был молодой. Мама истерику закатила... Растерялся я, понимаете?

Не знал, где и на что жить, я еще учился...

– А сейчас мама не закатит истерик?

– Ее нет. Гипертонический криз и – все, впала в коматозное состояние, да так и не вышла из него. Мама слишком близко к сердцу принимала любой шум на улице, события, дразги на работе, не умела управлять собой.

– Прости, не знала.

Таким тоном посылают на три известных буквы, а не извиняются, Платон решил не подливать масла в огонь злобы Надежды Артемовны, благоразумно держал паузу. А ведь она хотела еще что-то сказать ему, но помешал Ваня, прибежав, мальчик уселся за стол и затребовал пирожков – много. Он взял все внимание взрослых на себя, ел и одновременно рассказывал про свои очень важные дела – про взросление крысы от рождения, про богомола, который умер по неизвестным причинам, про улиток, которых ему купила бабуля. Как правило люди умиляются, глядя на акселерата, но трое взрослых лишь кивали, чтобы мальчик видел: его слушают. На самом деле каждый находился в своих невеселых думах.

Незаметно и вечер наступил.

Пока делали обыск в квартире Пешковых, женский труп во второй квартире ждал очередности на полу спальни. Потом Коноплева мучила всех, исследуя Татьяну Лукьянову, заодно действуя на нервы Феликсу своей нарочитой медлительностью, ей же нужно продемонстрировать, какая она трудяга-работяга. Наступил и час, когда Ольга вместе с двумя трупами и складным стульчиком укатила в царство мертвых – в морг. Феликс, что называется, перекрестился и дал команду оккупировать спальню.

Криминалист Огнев занимался отпечатками и уликами по всей площади первого уровня. Квартира большая, заморишься искать здесь что-либо, вот и парились все до вечера, копаясь в каждом углу, перебирая книжки, шмотки, а барахла – ого-го сколько! И в каждом кармане может лежать какая-нибудь фигня (по словам Жени), способная пролить свет на тайну двух трупов, которую Феликс безуспешно складывал в уме, чтобы дать завтра полную картину Терехову.

– Мне интересно, – рассматривая в гардеробной полки-полки-полки, проямлил с кислой миной Сорин Женя. – Зачем женщине столько сумок? Там одних карманов не перечесать.

– А ты не считай их, а заглядывай туда, – дал практичный совет Вениамин. – Кстати, дно сумок смотри с внешней стороны, иногда и там карманы лепят.

– Слыхал? – ухмыльнулся Феликс. – Давай, Сорняк, осваивай профессию барахольщика, в жизни все пригодится.

Услышав голоса, он подошел к перилам и глянул вниз. Там стояла девица неопределенного возраста, первое, что резануло по глазам – волосы разных цветов от розового до темного красно-каштанового, все это богатство торчком зиждется на голове. Она закинула ремешок сумочки на плечо и о чем-то спорила с полицейским, который, подняв голову, позвал его:

– Феликс, мадам хочет поговорить с Танюхой.

Тот с готовностью сбежал по лестнице, не спуская алчных глаз с гостыи, про себя радуясь, что свидетельница сама нарисовалась, чего никто не ждал. Нет, ну раз она хочет поговорить с Танюхой, значит, хотя бы толику инфы выложит про нее, а это уже кое-что. Вот повезло!

– Добрый вечер, меня зовут Феликс, – галантно представился. Да, когда хочет, он может прикинуться хоть герцогом. – А вас...

В его голове счетчик мгновенно просчитал: ей за тридцать (и с большим хвостом), молодится, но выглядит при этом нелепо – одежда немыслимо ядовитых оттенков, молодежная, обтягивающая деформированные отличным аппетитом формы. Не замужем – это видно без лупы, расписанное личико, словно только что гостя сошла с подмостков сцены, замерло... а то! Увидела брутала во всей красе и в осадок выпала, подумалось Феликсу (он себе цену знает), а под пышной прической, кажется, думающего вещества мало-мало, что ж, тем проще будет с ней болтать о том о сем. Он самодовольно улыбнулся, показав белые крупные зубы, и напомнил:

– Так как вас зовут?

– Ирэна, – выговорила она с достоинством бизнес-леди, но надолго ее не хватило, следом перешла на простецкий язык жительницы трущоб. – Не, ты мне скажи, чё за бардак здесь? А вы все кто такие? Что здесь делаете? Где Танюха?

– Дорогая Ирэна, – взял ее под локоток Феликс, – давайте пройдем на кухню, чтобы не мешать моим сотрудникам. Выпьем чаю, если найдем, и побеседуем.

– А чё это вы тут хозяйничаете? Чего вон тот мужик ползает?

– Я объясню, секретов у нас пока нет.

Подпавшая под обаяние Феликса Ирэна, заковыляла в поддельных лабутенах с толстой платформой (явно не для варикозных ног) с ним на кухню. Он усадил даму за овальный стол с прозрачной столешницей идеальной чистоты и стал открывать шкафы.

– Кого ты там ищешь? – поинтересовалась она.

– Чай... кофе... Что найду.

– За ради меня стараешься? – ахнула Ирэна.

– Конечно.

– Ай, брось. – Но расплылась в довольной улыбке, кажется, ей захотелось произвести на него впечатление. – Я не хочу пить. Лучше скажи, где Танюха и... кто ты такой? Я тебя первый раз вижу, но ты тут, как у себя дома. У тебя с ней... э? – Скорчив хитрющую рожицу, она покрутила в воздухе растопыренными пальцами, намекая на интим с убитой хозяйкой. Настал момент истины, Феликс, идя к ней, подхватил стул, приставил как можно ближе, сел боком к столу и лицом к Ирэне, после чего признался, словно он агент иностранной разведки:

– Я, Ирэна, из следственного комитета.

– Ух ты, блин! Это что, про детективы, да?

– Ты удивительно догадлива.

– Ну ты крутой. А Танюха причём? – И вдруг до нее дошло. – Натворила у себя там, на фирме? И дядька ползал... Обыск, да?

«Дядька» – пф! То, что она сама тетка – не в счет, видимо. Феликс положил локоть на стол, опустил голову и трагическим голосом... И вдруг вспомнив, что не знает, каким боком эта райская птица причастна к хозяйке, осведомился:

– А ты кем приходишься Танюхе?

– Я эта... почти подруга.

– Почти? А точнее?

– Ну, мы давно знакомы... еще с учебы Таньки в универе. Я там работала в столовке, на раздаче стояла, убиралась, а она училась на последнем курсе. С тех пор помогает мне, когда работа нужна, деньги там... Вот такая безотказная. А когда она выгоняет домработниц... ну, такие гадючки попадают, мама не горюй! Так вот, когда она их того, я помогаю: убираюсь здесь. Так она же заплатит, накормит, говорит, со мной потреться можно, не боясь подлянки.

– Не понял, как это – почти подруга?

– Не алё, что ли? – ухмыльнулась Ирэна. – Я свое место знаю. Она вон какая... образованная, бизнесменша, мужиками ворочает, а я никто. Слушай, не заговаривай зубы, я девушка занятая. Где Танюха? Если надо, то подтверждаю, что она честная, невиноватая, потому что лучше девки я не встречала. Говори, где Танюха, куда передачи нести? И сразу скажи, что можно ей туда.

Теперь в трагической тональности Феликс сообщил:

– Передача ей не понадобится. Крепись, Ирэна, твоя подруга умерла.

– Шутишь? С какого хрена ей умирать?

– Татьяна не сама умерла, ее застрелили. Здесь, в этой квартире. Вчера вечером. Труп недавно увезли, а то бы показал твою почти подругу... Хотя нет, покажу! Вениамин! – громко позвал Феликс, не вставая с места. – Веня!

В кухню заглянул Вениамин:

– Я здесь. Что случилось?

– Все нормально, – сказал Феликс. – Эта девушка не верит, что Татьяну убили. Принеси фотоаппарат, покажи ей фотки убитой.

– Фотик со мной.

Идя к Ирэне, Вениамин снял с шеи камеру и на ходу принялся искать снимки, затем стал немного позади свидетельницы и показал первый. Она содрогнулась всем телом, словно ей в зад иголку воткнули, потом застыла с дурацким выражением страдания на раскрашенной мордочке пекинеса. А Вениамин менял снимки и показывал ей, Ирэна смотрела в маленький монитор, потом на Феликса – так несколько раз, наконец отвела руку Вениамина с камерой, он ушел. Несколько секунд она сидела, уставившись на Феликса, за это время Ирэна, что-то там кумекала, наконец, чего не ожидал он, она зажмурилась и запищала тонко-тонко. Опасаясь истерики, Феликс подскочил к ней:

– Эй, ты чего?.. Ну... Ну, не надо. Воды дать?

– Не-е... – подвывала Ирэна. – Выпить поищи, нервам плохо...

Феликс ринулся к шкафам, нашел выпивку с иностранными этикетками, одну прочел и предложил:

– Коньяк пойдет? «Наполеон».

Она махнула рукой, мол, пойдет, Феликс нашел стакан налил примерно треть – доза для нее, как слону дробина, но не рискнул налить больше, надо же и поговорить. Поставил перед Ирэной. Взяла. Потом подняла заплаканные глаза с потеками от туши, спросив дрожащим голосом:

– А ты?

– Я на работе, – плюхнувшись на стул, сказал он и развел руками в стороны, мол, сожалею, что не могу составить компанию.

Она понимающе покивала, всхлипнула и выпила.

Дачный дом стоит в глубине сада, тем не менее...

...свет фар из окна кухни Надежда Артемовна заметила сквозь листву перед оградой и поняла, что это бывший (давнишний и единственный) муж. Дачники, решившие провести ночь за городом, приехали еще засветло, значит, только он изволил пожаловать, и она вышла во двор. Все верно, огромный внедорожник остановился у ограды. Надежда Артемовна поспешила к воротам, чтобы открыть их, к этому времени Георгий Глебович вышел из машины:

– Добрый вечер, Надюша.

– Добрый, – поскупилась она на слова. – Почему так долго?

– Я делал все, чтобы приехать раньше, не получилось.

– Ладно, заезжай.

– Как! Ты пускаешь меня во двор?!

– Деваться некуда. Заезжай и быстрее.

Ого, действительно дела плохи, но удовлетворять любопытство на ходу Георгий Глебович не стал, а подчинился. Потому что в его мозжечке сидело, как у доктора психиатра: не возражать, не спорить, не уличать, сохранять спокойствие – что бы ни несло из оскорбленных сто лет тому назад уст бывшей. У него есть дочь, есть внук, к которым нет доступа, в общем, терпение и только терпение – вот залог успеха. Когда Георгий Глебович заехал во двор, Надежда Артемовна, закрыв ворота, не сразу пригласила гостя в дом. Она подошла к нему, но, не имея охоты общаться глаза в глаза, прислонилась спиной к его внедорожнику и вынуждена была поставить его в известность:

– Поскольку я тебе не враг...

– Что, правда? – искренне изумился Георгий Глебович.

– Не перебивай! Ситуация очень скверная, втягивать тебя без твоего на то желания я не хочу, ты должен все знать. В общем, Камилла вновь связалась с отцом Ваньки. Да, она изменяла Константину. Три года вся эта... бодяга длится. И вот вчера, они вернулись после свидания... а дома у обоих случилось ужасное...

На последних словах у нее так дрогнул голос, что она едва выговорила их, тогда как у Георгия Глебовича глаза едва не выпали из глазниц:

– Надюша умеет плакать? Ничто человеческое и тебе не чуждо?

– Замолчи! – рявкнула в ответ она, утирая слезы. – Когда узнаешь правду, тебе точно станет все человеческое чуждо. Камилла и Платон в своих квартирах обнаружили... своих супругов мертвыми. Константина и жену Платона застрелили. Вчера. Представь, днем они оба виделись с Костей и Татьяной, а вернувшись после загула, застали... убитыми. Их застрелили... ой, я уже говорила... У меня в голове не укладывается вся эта история, как кино по телику смотрю, сейчас будет конец, я посмеюсь над глупым сюжетом и пойду спать, но это не так.

Всего на пару секунд она сделала паузу, чтобы глубоко вдохнуть воздуха, которого ей не хватало с того момента, как узнала о случившемся, затем продолжила, делая короткие паузы:

– Ты же понимаешь, что полиция докопается до связи Камиллы и Платона? Впрочем, тут и докапываться нечего... Черт, при таком раскладе у обоих железный мотив! Трудно представить, что у кого-то есть более веские причины убить Костю и Татьяну, но я... я верю своей дочери. В общем, Георгий, им нужно спрятаться на какое-то время, пока... пока не выяснится, что тут к чему. Забери ребят всего на одну, максимум на две ночи. За это время я подыщу дом в деревушке поблизости и перевезу их, здесь им нельзя оставаться. Ну? Что на это скажешь?

Вот это да! Людям свойственно ожидать плохих событий в своей жизни, при определенных обстоятельствах они даже моделируют неудачи, чтобы выстроить защиту, однако для подобных случаев не предусмотрены предохранительные меры. От весьма своеобразной новости Георгий Глебович впал в ступор, ему реально понадобилась опора, и он тоже прислонился спиной к джипу рядом с Надеждой Артемовной и поник головой. Она, разумеется, поняла его состояние по-своему и вернулась к привычному жесткому стилю общения:

– М-да... Прости, что вызвала тебя вслепую, но по телефону всего рассказать не могла, сам понимаешь. Если ты не можешь ничего для них сделать, то будет лучше тебе прямо сейчас уехать, не заходя в дом. Я скажу, что ты не смог вырваться, никаких претензий к тебе мы не...

– Слушай! – вскипел Георгий Глебович. Скрипнув зубами, он подавил справедливый гнев, что далось с трудом, и произнес без эмоций, ровно: – Ты хотя бы иногда бываешь умной?

– Что-о-о?! – задохнулась Надежда Артемовна.

– А доброй, ласковой бываешь? – как не слышал он. – У тебя мозги работают только в одном коридоре, причем в очень узком. Вызвала меня, чтобы прогнать, и таким образом доказать, что во мне не нуждается моя дочь, только ты есть.

– Не разыгрывай здесь слезливую мелодраму, от тебя ничего хорошего ждать не приходится, жалею, что обратилась к тебе...

– Я понял, ты просто самодура.

И решительно двинул к дому. Оскорбленная до глубины души Надежда Артемовна, не привыкшая к грубостям, тем более от бывшего мужа, который всегда занимал позицию скромного просителя (маскировался), прошипела ему вслед:

– Куда ты? Не смей заходить в мой дом...

– А я плевать хотел на твои запреты, – не оборачиваясь, бросил через плечо Георгий Глебович, причем спокойно, зная, как это бесит ее. – Там моя единственная дочь, она в беде, и я – ее родной отец, между прочим! – иду к ней. А ты пока покорми свою параноидальную мнительность гордыней.

Он взялся за ручку двери и услышал за спиной скрип вместо голоса:

– Они на втором этаже с Ваней. Не напугай ребенка.

Кстати сказать, это не первый случай, когда она доводит бывшего до белого каления, в такие моменты в нем просыпается маньяк, жаждущий убить ее, а вот то, что пустила его в дом и к дочери – первый. Сейчас не застарелые обиды важны, а накопилось у обоих этого добра вагон и большая тележка, сейчас важна Камилла, безопасность дочери. Только по этой причине Надежда Артемовна стерпела выпад в ее сторону, в противном случае ему пришлось бы надолго забыть дорогу к их дому, в который он мечтал вползти.

На втором этаже в узком коридоре четыре двери, Георгий Глебович открывал их подряд, в небольшой комнате, прямо на полу сидели внук и дочь с Платоном. Они расположились вокруг квадратной карты, на которой стояли фишки, одну двигал Ваня, ему было весело, значит, он выигрывал. Понятно: это настольная игра, перекочевавшая на пол, так как комната маленькая, за столом-партой места троим просто нет.

– Ребята, – сказал Георгий Глебович, – заканчивайте.

– Мам, это кто? – поинтересовался Ваня.

Разве мог Георгий Глебович не подойти к внуку, к которому не пускала злопамятная мегера, разве мог он не опуститься на корточки, чтобы разглядеть его славную мордашку вблизи? И главное, увидеть что-то от себя... есть, есть, вот так поджимает губы он сам, когда озадачен. Тем временем Платон тоже разглядывал отца Камиллы, раньше встречаться им не доводилось.

Георгию Глебовичу пятьдесят два, при этом он потрясающе выглядит: представительный, немного располневший, ну так и возраст! Волнистые черные волосы с яркими серебряными прядями нисколько его не старили, волоокие черные глаза наверняка свели с ума не одну представительницу слабого пола. Добавить сюда короткую бородку с проседью, улыбку бродяги, манеру держаться просто и в то же время недостижимо, на выходе – альфа-самец с богатым жизненным опытом и, разумеется, успешный во всем.

– Давай знакомиться, я твой дед Георгий, можно дед Гоша или просто дедушка, – представился Георгий Глебович.

– Дед? – пожал плечами мальчик, но улыбаясь, видимо, идея занять деда ему понравилась. – Ма, как у Петьки и Димки? (Камилле ничего не оставалось, как подтвердить слова отца неуверенным кивком.) Классно. А где ты был раньше?

– Э... в командировке. Надеюсь, теперь мы будем видеться.

Не зная, как отреагирует мать на знакомство внука с дедом, ведь отец наверняка проявил инициативу, Камилла предложила нейтральный вариант:

– Вы идите вниз, а я уложу Ванечку.

– Мама, а поговорить с дедом? – воспротивился сын.

– У вас будет время поговорить, – заверила она. – А сейчас дедушка торопится, у него много важных дел. Ты ждал его долго, подождешь еще, да?

Георгий Глебович пообещал мальчугану приехать в ближайшее время и привезти подарок, какой Иванушка скажет, собственно, за этим – узнать, что хочет внук, – он и приехал на минутку.

– Велосипед, – озвучил мечту Ваня без раздумий. – А то знаешь, дед Гоша, бабушка и мама не разрешают мне кататься на велике, но я же уже большой.

– Ладно, постараюсь убедить маму и бабушку, что велосипед тебе необходим, – пообещал Георгий Глебович. – Только велик хочешь?

– А что, можно еще? – воодушевился мальчик.

– Будь скромнее, милый, – урезонила сына Камилла.

Он попрощался с Ваней за руку, потом все же обнял его, поцеловал в обе щеки и вместе с Платоном, который не забыл пожелать ребенку спокойной ночи, спустился вниз. Надежда Артемовна, задумчиво болтая в чайной чашке ложечкой, ждала их на кухне, туда и пришли мужчины. Набравшись наглости, Георгий Глебович уселся за стол (без приглашения!) и как ни в чем не бывало, будто между ними мир и лад царил всю жизнь, обратился к ней:

– Может, чаем и нас угостишь?

Эх, какой взгляд кинула Надежда Артемовна в бывшего – Горгона Медуза скромно пыхтит от зависти в сторонке, но Георгий Глебович проник в этот дом не за тем, чтобы пугаться очередных ухудшений в отношениях. А вот Платона хмурое лицо матери Камиллы не вдохновило на чаепитие, он решил не мозолить ей глаза и ретироваться:

– Я в гараж, машину выкатить...

– Сядь! – приказала она.

В данном случае разумней подчиниться, в конце концов, Надежда Артемовна помогает и надо быть благодарным за это, а не лезть на рожон. Платон послушно сел на стул рядом с Георгием Глебовичем – между мужчинами и «добрейшей» хозяйкой находился в качестве разделительной полосы длинный стол – очень символично. Осталось подписать договор и скрепить его кровью, но пауза кончилась. Надежда Артемовна взяла свою чашку, вылила остывший чай в раковину и поставила чайник на огонь, следовательно, чаем напоит. Ставя на поднос посуду для чаепития, она озвучила обдуманное предложение:

– Машину Платона нужно оставить здесь, в гараже места хватит. Если он будет ездить на ней, велик риск, что его и Камиллу задержат элементарно на въезде в город, номер-то, думаю, уже известен полиции. Следовател, вне сомнений, придет ко мне, я не стану ему врать, будто моя дочь с Платоном сюда не приезжали, это глупо, потому что Ваня вас видел. Из ребенка вытащить правду ничего не стоит, поэтому половину правды я и выложу, покажу машину, а дальше буду убедительно врать: куда уехали – не знаю. Мне поверят, обещаю.

– А как быть со мной? – вставил Георгий Глебович. – Ваня теперь знает, что я его дед и что приезжал сюда...

– Обязательно сегодня надо было сказать об этом Ивану? – пыхнула Надежда Артемовна.

– А другого случая у меня могло не быть, – парировал он.

Ситуация пошла не в то русло, спонтанно, ее следовало хотя бы поверхностно проанализировать. Не торопясь, Надежда Артемовна поставила поднос на стол, разлила свежесваренный чай, принесла чашки по отдельности каждому мужчине, эту паузу она использовала на обдумывание. Но тут поступило совершенно дикое предложение от Георгия Глебовича:

– А если нам забрать и Ваню?

Взгляд Надежды Артемовны, брошенный в сторону бывшего, говорил сам за себя, мол, ишь, разбежался, все сразу решил получить: дочь, внука, зятя – такого же предателя, как ты сам. Но возразила на улыбке, это означало, что и за мизерный временной промежуток она успела продумать тактику:

– Сегодня девятнадцатое августа, а первого сентября Ванечке в школу. Ты, видимо, не представляешь, сколько дел перед этим грандиозным событием, к тому же тебе с внуком нельзя

показываться, чтобы не вызвать нездоровый интерес. Речь ведь идет о дальнейшей судьбе родителей Вани, а в следствии долго разбираться не станут. Напомню: у обоих имеется мотив, теперь возражайте, если я не права.

В ответ тяжелое молчание и унылые физиономии, а еще пару минут назад Георгий Глебович чувствовал себя вполне удовлетворенным. Не-ет, в ее планы не входило дать ему все то, что он когда-то грубо отбросил. О, Георгий Глебович каялся и не раз, ему осталось надеть вериги и босому зимой обойти поселок, вымаливая прощение, но она ему мстила иронией, примерно, как в эту минуту:

– Да не переживайте, не все так мрачно. Для местных я ни разу не была замужем, ведь гражданский брак не в счет, короче, в поселке никто о нашем сожительстве не знает. Даже старожилы, ведь на дачу к моим родителям ты приезжал редко, а за почти двадцать лет ты очень изменился, тебя никто не узнает. Девичья фамилия Камиллы моя, а отчество твоё, но... не Георгиевна. Если ты помнишь, в те времена тебя звали – Жорж! В паспорте тоже был – Жорж, так назвала тебя твоя мама. Ее польско-французская кровь не желала Ванек-Петек, правда, француз из тебя не получился, а вот цыган вполне. Кстати, имя Камилле тоже дала она. Но некая дура в ЗАГСе записала отчество – Жоржевна, не додумавшись спросить, насколько уместно это в нашей среде. Нет, правда, как ругательство на слух – Жоржевна! Выйдя из роддома, я намеревалась сменить непривычное нашему уху отчество, а мне сказали, мол, сейчас девочке это не понадобится, вот будет паспорт получать, тогда и сменит. Ты, когда официально женился, все же имя Жорж заменил на человеческое, а твоя дочь до сих пор так и пишется: Камилла Жоржевна... Ей все равно как называться, но сейчас этот факт работает на нее.

Попутно всех боднула Надежда Артемовна, не пожалела даже маму Георгия Глебовича. Не зря она метала ироничные шпильки в бывшего гражданского мужа, тем самым давая понять: мы на разных планетах, идиллии не пройдут. Однако все это ерунда, ее тоже можно понять, хотя прошло много лет после нанесенной обиды, могла бы и успокоиться. Но не все способны переступить через прошлое, ей не удалось. Платон поражался другой ее способности: она в своем роде феномен, какой бы ни была Надежда Артемовна резкой и нетерпимой, злой или безучастной, во всех своих ипостасях эта женщина не лишалась очарования и обаяния.

– Нет, я уверена, – между тем продолжила она рассуждать, – Камиллу следователи не свяжут с тобой, если, конечно, ты сам не накосячишь. Вряд ли можно найти и в городе тех, кто помнит, что мы с тобой целых восемь лет изображали святое семейство на одной жилплощади. Сейчас моя городская квартира в другом районе, ты тоже, думаю, давно забыл, в каком непрезентабельном месте провел молодые годы. И последнее: любой человек твоего возраста мог представиться Ванечке дедом, любой. Например... да хоть мой друг! С которым мы планируем зарегистрировать барк, поэтому приучаем Ваню видеть в моем будущем муже деда, а не постороннего. Сейчас ведь никого не удивишь возрастным сдвигом на почве семейных уз.

– Да ну! – изумился Георгий Глебович. – У тебя, правда, есть друг? (Она проигнорировала вопрос, будто не слышала.) Значит, я могу выдать себя за твоего друга и свободно приезжать к Ване, раз меня...

– Лучше не надо, – остудила его Надежда Артемовна. – Давайте закончим на оптимистичной ноте, что я выкручусь в любом случае. Пейте чай, раз просили.

Мужчинам не удалось насладиться чаепитием, пришла Камилла, после чего все спешно засобирались в дорогу. Первое, что сделали – перенесли вещи из машины Платона в джип Георгия Глебовича, собственно, вот и все сборы. Надежда Артемовна на прощанье обняла дочь, именно в такие минуты, когда обстоятельства отягощаются непредсказуемыми и фатальными событиями, родственные души тянутся друг к другу. Она просила ни в коем случае ей не звонить.

– Мы оставили трубки у меня, когда заезжали туда за вещами, – сказал Платон. – По ним легко найти нас, поэтому бросили.

– Правильно, – согласился Георгий Глебович. – Я буду держать тебя, Надя, в курсе дел, заеду и расскажу, как устроились ребята.

На этот раз она не возразила, потому что жить в неведении – хуже только гильотина, которую пора применять к тем, у кого голова лишняя часть. Разумеется, она имела в виду Платона, а кто ж еще виноват, что ее слабохарактерная дочь снова подавлена его волей? И вот результат... нарочно не придумаешь такое. Итак, внедорожник выехал со двора, вскоре огоньки утонули в темноте, еще немного постояв, Надежда Артемовна вернулась в дом.

Камилла с Платоном ехали на заднем сиденье.

Ни о чем не расспрашивали, хотя бы из любопытства – куда их везет Георгий Глебович, в каком месте находится его дом или квартира, сколько человек живет с ним и прочие мелкие, но в их положении жизненно важные вопросы не задавали. Они словно покорились судьбе, коварно подставившей подножку, не исключено, что им просто неловко перед ним. В данных обстоятельствах не станешь болтать с малознакомым человеком, который лишь числится отцом по крови. Понимая, что ребята на контакт сами не пойдут, Георгий Глебович поставил задачу расположить их к себе и начал с расспросов о матери:

– Камилла, чем занимается мама? Она не работает?

– Почему вы решили, что мама не работает? – подала с заднего сиденья сонный, или уставший, голос Камилла. – У нее удаленная работа, ей так удобней.

– Надюша все время живет на даче, вот я и подумал...

– Мама любит уединение, поэтому искала подходящее дело, освоила компьютерные программы. Благодаря такой работе, она всегда может уделить внимание Ване, каникулы они оба проводят на даче, у него там много друзей – это же поселок... деревня фактически.

Про себя Георгий Глебович радовался, что ему удалось разговорить дочь, она легко пошла на контакт, на что он уже не надеялся. Все из-за Надежды, вот злопамятная! Из-за нее Камилла избегала общения с родным отцом – это не мелодрама, это маразм.

– У меня хороший дом в Луговом, места хватит. Со мной живет твой дед, Камилла, ему семьдесят семь, но он бодр и в полном здравии. На данный момент папа уехал к другу на пару недель поохотиться, рыбу половить, не любит долго сидеть на месте, но когда приедет, то... вам не найдется места. Ха-ха-ха... Он очень активный.

М-да, забылся немножко. Все же у дочери беда, а он тут радуется, хохочет, как дурак. Хорошо, что Надюши нет рядом. Оставшийся путь Георгий Глебович проделал молча, изредка поглядывая в зеркало на Камиллу с Платоном. У них беда и горе, а его от счастья клинит так, что скрыть невозможно. Но обязан.

– Мы почти на месте, не выходите из машины, здесь везде видеонаблюдение, – подъезжая к дому, предупредил он. – Видео напрямую идет в охранное ведомство на компьютеры, наверняка ваши фотографии будут и там. Гараж у меня сообщается с домом, но и там выйдете, когда закрою его, так будет надежней.

Ворота на дистанционном управлении, Георгий Глебович въехал в просторный гараж, вышел из машины и нажал на кнопку пульта.

– Выходите, – открыв дверцу, дал команду он.

Очутившись в гостиной, Камилла, поставив баул на пол, растерянно обвела глазами интерьер. Мягкие диваны, большие кресла, напольные вазы, картины – много картин, камин, замысловатые фигуры, кажется, из дерева, еще разнообразные светильники – далекие от ширпотреба. В общем-то, набор стандартный для благополучного дома, разница в качестве, здесь оно на высоте.

– Красиво, – похвалила она гостиную.

– Рад, что тебе нравится мое бунгало, – сказал Георгий Глебович. – Платон, ставь чемоданы, потом отнесем, ваша комната наверху, там же все удобства. Пока падайте, ребята, где

понравится, чуть позже покажу вашу комнату. А сейчас принесу что-нибудь выпить и закусь... нам всем не помешает. Камилла, ты что пьешь?

– Обычно ничего, – смутилась она, словно не пить – порок страшней, чем напиваться вдрызг. – Ну, вино... иногда. Ликер...

Хозяин ушел куда-то, а Камилла с Платоном присели рядом на один диван, но не расслабились, оба продолжили водить глазами по сторонам, изучать и пока не делились впечатлениями. Впрочем, все это не столь важно, иногда наступают моменты, когда ничто не представляет интереса, а любые действия происходят машинально, как в этот момент.

Георгий Глебович принес на подносе бутылку, бокалы, тарелки, снова ушел за холодными закусками. Наконец и он опустился в кресло, взял бутылку и сначала налил Камилле, протянув рюмку, убедительно сказал:

– Немного коньяку тебе не помешает, не отказывайся, будешь спать, как в детстве. Смелее, дорогая, это лекарство. Только за один раз выпей.

Камилла кивнула и опрокинула коньяк в рот, сжала губы, затем поставила на столик рюмку, только потом сделала глоток. А отец уже держал перед ней тарелку с оливками, дольками лимона, нарезанными кружочками огурцами и помидорами – на ее вкус. Камилла взяла оливку, положив в рот, кивнула в знак благодарности. Ну а мужчины без церемоний выпили и принялись закусывать, правда, заботливый отец в первую очередь побеспокоился о дочери – сделал ей многослойный бутерброд из мясных закусок. После второй рюмки (Камилла пить отказалась) Георгий Глебович разговорился:

– Мой дом в вашем распоряжении, не вздумайте стеснять себя ни в чем. Должен предупредить, вам желательно не выходить во двор на всякий случай, чтобы соседи не проявили ненужное любопытство. Ваши фотографии могут показать по телевизору... в общем, побережемся, ладно? Ко мне приходит два раза в неделю женщина убирать дом и каждый день повар... Я дам им оплачиваемый отпуск, посторонние нам не нужны. Сами справимся?

– Конечно, – сказала Камилла. – Я могу готовить и убирать.

– Не волнуйтесь, мы справимся, – заверил Платон.

– Отлично, – налив себе и ему коньяку, произнес Георгий Глебович. – А теперь, рассказывайте, я должен знать все, чтобы подумать, как помочь вам. Можете мне доверять. Сначала выпей, Платон. Пей, пей. Стресс надо снять.

Как ни удивительно, но спиртное не помогало расслабиться, не снимало стресса и не пьянило. Платон поставил пустую рюмку, занюхал по рабоче-крестьянски кулаком и через паузу начал...

* * *

Не думайте, что у нас с Камиллой пошла интрижка. Это не так, история наша давнишняя, проверенная временем, однако время и поставило непреодолимые заслоны. С момента, когда так глупо по моей вине расстались, с Камиллой мы не виделись почти шесть лет... Странно, да? Жили в одном городе и не встречались, но так иногда бывает. Правда, я часто уезжал то на повышение квалификации, то работать к одному мастеру без степеней и званий, чтобы разобраться в тонкостях дела. Если думаете, я забыл, как плохо поступил с Камиллой, то чувство вины... оно всегда было со мной, опять же со временем притупилось, но не забывалось. Много раз порывался найти ее... собственно, искать знал где, просто не решался, совесть останавливала или что-то в этом роде, ну, вы меня понимаете.

Однажды мама познакомила меня с Татьяной, у нее к тому времени отец и мать погибли – взорвали машину на трассе далеко за городом. По счастливой случайности Таня осталась жива, за несколько секунд до взрыва она вышла из машины, пардон, в туалет, не дошла до лесополосы и тут – взрыв. Ее отбросило волной, она ударилась головой о бревно и потеряла

сознание, очнулась в больнице. Мы с ней познакомились четыре месяца спустя после взрыва, она еще не отошла, все-таки потерять сразу обоих родителей... нелегко.

Не собирался с ней встречаться, Татьяна сама постоянно попадалась мне на глаза, старалась угодить, развлечь – не очень это у нее получалось. Жалко ее стало, она какая-то несчастная была... тем более мама постоянно рекламировала Татьяну, а Камиллу я считал потерянной навсегда.

Короче, женился. И почти сразу понял, какую глупость совершил. Мы с ней абсолютно разные, с разными потребностями, правилами, взглядами. Такие дела нельзя делать из жалости или по каким-то другим меркантильным причинам, жизнь потом за явную глупость бьет обратным концом в качестве наказания. Нет, конечно, жалеть людей надо, но не ценой своей собственной жизни, это же не война, должна быть хотя бы симпатия, что-то общее, связывающее... а мы очутились в одной квартире и на разных планетах.

Добивало, что она меня любила, это жутко угнетало, да и раздражало. Таня понимала, что у нас все не так, наверное, дети могли сгладить наше жалкое существование вдвоем, но выяснилось, что у нее с этим проблемы – она бездетная. С удивлением я обнаружил нелады с психикой – последствия взрыва: обидчивость, истеричность, слезы на пустом месте. Ее напрягала и фирма отца, которую она изо всех сил тянула, бизнес ей не давался, как ни вгрызалась в него, с другой стороны... Думаю, фирма отца спасала Татьяну от меня и всего остального, надо отдать должное, она старалась быть хорошей женой, только мне это было не нужно.

Мне хотелось сбежать хоть на Луну, но снова что-то не пускало, как будто голос внутри злорадствовал: это тебе расплата, терпи, так тебе и надо – мне то есть. Я знал, за что расплачиваюсь, к тому же ее старания и состояние не давали весь этот цирк послать к черту. С одной стороны, я вроде бы смирился, с другой все чаще стал подумывать о разводе, кстати, на этот паноптикум ушел год. Всего-то год, а мне казалось, мы с ней прожили лет тридцать.

Однажды случайно на одной пирушке встречаю Камиллу... Вам знакома боль, когда дверь прищемит палец? То же самое почувствовал я, ту же боль, только в сердце – будто дверью прищемило. Не решался подойти к ней... потому что... я очень обидел ее... оскорбил, когда бросил. Если бы со мной так поступили, думаю, вряд ли я простил... Она сама подошла и только одно слово «здравствуй» снесло мне голову. Я понял, как много потерял, ведь моя жизнь могла стать совсем иной, понял, что Кама была и есть для меня той самой – которую ищут все и мало кто находит. Мне совестно было смотреть ей в глаза, но... второй шаг навстречу все-таки сделал я, и мы стали встречаться.

Это случилось три года назад. И как будто не было пропасти между нами из нескольких дурацких, пустых, напрасно прожитых лет, а ведь все вместе – это десять лет. Мы могли прожить эти годы гораздо интересней и счастливей, но... У меня открылось второе дыхание, отлично пошла работа, да и вообще кругом все как-то осветилось, я строил планов громадье... Не хватало только мира и покоя, когда Камиллы рядом не было, но этой роскоши у нас с Таней никогда не имелось.

Однако пропасть оказалась шире, чем думалось и чем хотелось. Я много раз предлагал Камилле переехать с сыном ко мне, купил квартиру... То, что Ваня мой – это простая арифметика. Честно, так хотелось исправить ошибку, наладить и отдать все то, что я не отдавал эти годы... ну и, разумеется, не получал сам.

Разве мог я подумать, когда расставался с Камой, что для меня станет важным сын? Я же его не хотел... от этой мысли становилось не по себе. И вообще, самое страшное наказание – одиночество. Да, да, оно обостряется, когда рядом спит, дышит, говорит, требует, да просто живет бок о бок совсем чужой человек.

Я задался целью вернуть все, как должно было быть... Но теперь Камилла сказала мне «нет», она не могла сделать несчастным Костю. Я не отказался от уговоров, обещал взять на

себя переговоры с Костей, и тут ваша дочь окатила меня кипятком. А сказала следующее спокойно, без эмоций:

– Конечно, ты можешь рассказать ему, что его жена дрянь. Ты верно считаешь: он должен оскорбиться и даже выгнать меня, неблагодарную, вместе с Ванькой, другой так и поступил бы... Только не Костя. Уверю тебя, он простит. И я не смогу уйти. Пока Костя не знает, то и не страдает, не чувствует себя униженным, обделенным. Ну, может, подозревает... тогда он не хочет знать, потому что никогда меня ни о чем таком не расспрашивал. Но как только узнает... после этого я уже не смогу с тобой быть, понимаешь? Каждый раз, когда я буду задерживаться... ты сам знаешь, что будет твориться с ним.

– Но почему, почему ты не хочешь уйти? Ведь не хочешь! – негодовал я, да что там – злился! – Его переживания пройдут, все проходит.

– Не могу, не проси. И так поступаю плохо, очень плохо... Да, я тебя люблю, это было со мной все годы, но и Костю тоже люблю... по-своему. А еще его любит Ваня, с этим я обязана считаться. Двух человек сделать несчастными, в первую очередь родного сына? Нет. Выбирай, Платон: либо все остается по-прежнему, либо... Выбирай ты.

И вот второй раз в жизни я смирился, принял условия Камиллы. А другого ничего не оставалось, ведь всю эту ситуацию создал я сам, винить было некого. Условия-то принял... но на словах. Мы произносим слова, не вдаваясь в смысл, а он огромный, когда он доходит до мозгов, ужасает масштабом, таким словом для меня стало «навсегда». Представьте: вы чего-то не хотите до смерти, но так будет до конца ваших дней – это и есть навсегда. Не устраивало меня такое будущее, человек жив, пока надеется, я и надеялся, верил, что Кама рано или поздно передумает.

А попутно познакомился с Костей, мне интересен он был – что в нем есть такое, не пускающее ее ко мне? И знаете, ясно стало сразу: он надежный, стабильный, верный. Я тоже такой, клянусь, но... это теперь, пройдя школу амбиций и связанных с ними провалов, не материальных, разумеется, – моральных. Костя был неплохим специалистом, и я порекомендовал его Татьяне, когда у нее начались очередные проблемы в фирме, ей не давалась бухгалтерия, но ума хватило понять, что ее обувают. Костя неплохо заработал у Татьяны, тайком проведя экспертизу – он аудитор, нашел украденные деньги и воришек вытащил из тени. Воров Таня уволила, хотя следовало бы посадить. Конечно, звучит цинично, но мы с Костей подружились, при всем при том это не мешало нашим встречам с Камиллой, коротко говоря, узел завязался еще тот.

А с Татьяной я твердо решил расстаться, мне противны были и она... и мой вечный обман... Я хорошо маскировался, жена не догадывалась о наших отношениях с Камиллой, просто чувствовала, видела мое отношение к ней, мне же не удавалось органично играть в игру «любящий муж», не умею. А предъявить ей было нечего, она бесилась, потом страдала. Жалость по отношению к ней мне тоже знакома, но в этой атмосфере путь один – в дурдом. Постепенно я перевез вещи в свою квартиру и вот вчера...

Итак, мы дошли до вчерашнего дня, точнее, вечера. Очередной раз Камилла отказалась уйти от Кости, я привык к отказам, но, говорят же: вода камень точит. Возвращаясь вчера после свидания, готовился поставить Татьяну перед фактом, попросить простить меня и отпустить на все четыре стороны.

Камилла убежала в свой подъезд, а я проехал чуть дальше – к своему дому, припарковался и поднялся на этаж. Квартира наша оказалась запертой, то есть меня ничто не насторожило. Я вошел. Там было нереально тихо...

Есть такая тишина, когда точно знаешь, что в доме люди, но полное ощущение, будто их нет. Ощущения я отбросил, решил, что Татьяна злится, потому не откликается на мой зов, было-то очень поздно. В общем, ничего нового, необычного я не заметил, кроме домашних туфель в разных местах, но когда Татьяну накрывало, она устраивала погром, а тут какие-то туфли разбросаны.

Я поднялся на второй уровень и тут увидел ее ступни... пятками вверх... Естественно подумал, что ей стало плохо и, прежде чем вызвать скорую, решил посмотреть, в каком она состоянии, может, срочно нужно что-то сделать, но стоило подойти ближе на пару шагов... То, что я увидел... Нет, мое состояние невозможно описать, я на какой-то миг просто выключился, в глазах реально потемнело.

Татьяне уже ничем нельзя было помочь, ее спина намокла от крови... я видел сгустки, куда попали пули... У меня подкашивались ноги, а тут звонит Камилла. Я догадался, что у нее проблемы с мужем, мы никогда не возвращались так нагло и так поздно, конечно, взял трубку:

– Что, Кама?

– Платон... Прости... я вынуждена позвонить тебе...

– Ты плачешь? Что случилось?

– Платон... Ты можешь сейчас прийти?.. Нет-нет, не отказывайся, нет! Очень прошу тебя... Скажи что-нибудь Тане, но приди... Платон, пожалуйста... умоляю... Если не придешь, я умру.

Само собой, я помчался к ней, естественно, не гадал, что там у нее могло случиться, после шока соображал туго. Камилла сидела на верхних ступеньках лестницы и вытирала катившиеся слезы – никогда не видел ее плачущей, должен заметить, слабой и безвольной она только кажется. Значит, нечто из ряда вон стряслось, может, Константин ударил ее, догадавшись, что жена изменяет ему, а потом выставил за дверь, я и спросил:

– Что? Он обидел тебя?

– Костя там... – показала Камилла едва заметным жестом в сторону двери своей квартиры. – Прямо... ты увидишь...

Она так это сказала, в ее глазах было столько отчаяния и ужаса, что, еще ничего не видя, мое чутье угадало беду. Я рванул в квартиру...

Костя лежал... то есть он сидел в кресле напротив входа в гостиную, его я увидел еще из прихожей. Он лежал... Нет, все-таки полусидел в нелепой позе. Все, что угодно, только не это...

Я очень хотел, чтобы Камилла с Ваней пришли ко мне навсегда, но не такой ценой. Итак, на двоих у нас два бездыханных тела с пулями – моя жена и муж Камиллы, мы с ней состоим в любовных отношениях, следствие до таких простых фактов дойдет моментально и...

Тут-то меня осенило: нас подставили гениально, положение наше аховое, абсолютно безвыходное. Кто это сделал, за что – на тот момент не имело значения, но именно с той секунды я догадался, что отвечаю за нас обоих, за Ваньку, за Надежду Артемовну. Я собрал всю волю, чтобы просчитать риски и принять правильное решение. Вернувшись к Камилле, попросил ее зайти в квартиру, она послушалась, но дальше прихожей отказалась идти.

– Тебе надо собрать вещи, – уговаривал я.

– Нет... нет... Я не могу туда войти, пройти мимо Кости... нет, пожалуйста... – ответила она, прижимаясь к стене плечом.

– Хорошо, я соберу. У тебя есть резиновые перчатки?

– Да. На кухне. Под раковиной в шкафчике...

Перчатки я нашел, хотя в них не было необходимости, так как план у меня в голове слепился, но в квартире могли остаться отпечатки убийцы, я мог нечаянно стереть их. Конечно, всех тонкостей криминалистики мне знать не дано, но так представлялось в тот миг.

Нашел баул и чемодан, туда побросал одежду Камиллы, какая попала под руку, лишь бы хватило на первое время, потом решил, что нужно взять теплые вещи – она постоянно мерзнет. Собравшись, взял ее за локоть, и мы вышли из квартиры. Задержались только, чтобы закрыть входную дверь, в лифте кто-то ехал, поэтому я потащил Камиллу по лестнице вниз, хотя предосторожности были лишними. Согласно моему плану, значения не имело – увидят нас или нет, полиция от меня узнает, что мы были в своих квартирах.

– Куда теперь? – спросила она по дороге.

– Сначала кое-что сделаем у меня, потом уедем.

Я привел потерянную и покорную Камиллу к машине, предложил подождать меня внутри, она воспротивилась:

– Нет, нет, я не хочу остаться одна, нет. Подожду там, в подъезде... на этаже... Понимаю, твоя жена не должна меня видеть, она и не увидит, я останусь на площадке... но к тебе ближе... я очень боюсь...

Меня больно кольнуло в грудь – Камилла боялась, что я брошу ее, как уже однажды бросил, когда она очень нуждалась во мне. Пришлось объяснить ей, что мы на равных в этой истории:

– Моя жена убита, как и твой муж! Прости, ты все равно узнаешь.

– Не может быть... Это неправда...

– Правда. – Я обнял ее, потому что она сильно дрожала. – Мне нужно взять кое-какие вещи, после этого мы уедем. Верь мне, я в таком же положении, как и ты. А пока тебе лучше подождать в машине.

– Нет! Не могу, с тобой пойду.

– Ладно, идем, – сдался я.

Собственно, моих вещей там почти не осталось, но следовало взять деньги, они нам в данной ситуации понадобятся. Позже, по дороге на дачу к Надежде Артемовне, я снимал с карт в банкоматах максимально возможные суммы. Камиллу дальше прихожей не пустил, усадил на пуфик, ведь в гостиной я видел бокалы и бутылку вина, моя жена пила вино с убийцами, как минимум их было двое. Нам не стоило затирать чужие следы, если они остались, хватит меня одного.

Самое неприятное – войти в спальню, именно там сейф, а код мне известен. Как бы я ни относился к своей несчастной жене, но переступить через ее труп... это слишком. Я старался не наступить на пятна крови, расплывшиеся по полу, потому двигался медленно, затем из сейфа забрал все деньги, драгоценности оставил, закрыл сейф и спустился вниз. Из кабинета принес ноутбук, безвозвратно удалил всю информацию о себе и записал обращение к следствию:

– Меня зовут Лукьянов Платон, я стоматолог, у меня есть собственный кабинет, большая и солидная клиентура. Вчера, вернувшись домой довольно поздно, я нашел свою жену Татьяну Лукьянову на пороге спальни убитой. Но это не последняя жертва неизвестных убийц, по моим предположениям их было двое, она сама их впустила, они пили вино – доказательства в гостиной. Мне позвонила Камилла Пешкова и просила срочно прийти. В квартире Камиллы в кресле лежал ее муж – Константин Пешков, его тоже застрелили. Оба убийства, как я понимаю, совершили одни и те же люди, Пешков, как и моя жена, тоже впустил их, у него они пили шампанское. То, что мы любовники с Камиллой, вы, конечно, вычислите, стало быть, скрывать не имеет смысла. Преступники каким-то образом узнали об этом и подгадали, когда весь вчерашний вечер мы с Камиллой провели вместе в моей квартире. Естественно, первую строчку подозреваемых займем мы с ней, ведь у нас есть мотив, дурацкий, но есть. И, черт возьми, нет алиби. Ну, нет его! Следовательно, нам прямая дорога в следственный изолятор. Извините, с подобной перспективой смириться не можем, потому что не мы это сделали. Да, я заявляю: к убийству моей жены и мужа Камиллы мы оба не имеем отношения. Я решил, что нам разумней будет спрятаться и самим разобраться в том, что случилось...

Часть вторая

Неопределенность

– ...Я решил, что нам разумней будет спрятаться и самим разобраться в том, что случилось, – звучала аудиозапись громко. – Согласитесь, из изолятора сделать это нереально. Не исключаю, что нам повезет, и вы сами найдете убийц... э... нет, верю, что найдете. Но мы рисковать не будем, за чужие дела отвечать не хочется, а все указывает на нас. Даю подсказку: однажды Константин помог Татьяне разобраться с воровством, два года назад именно он обнаружил схему, по ней вычислили мошенников. К сожалению, моя жена отпустила их, всего лишь уволив, а надо было уголовные дела завести, возможно, эти жертвы – месть им обоим. Не уверен, что я прав, но это все, чем могу помочь... даже не вам. Себе и Камилле.

Привстав со стула, Вениамин остановил аудиозапись и сел на место, пояснив, почему прервал прослушивание:

– Дальше бытовые звуки, потом конец записи.

Павел Терехов, почесывая указательным пальцем гладко выбритый подбородок, некоторое время думал, потом попросил еще раз включить запись. В кабинете следователя недосчитывались только Жени Сорина, он, как обычно, уже выполнял мелкие поручения. Феликс развалился на стуле напротив Павла, вытянув скрещенные ноги и закинув за голову руки (его любимая поза), слушал, прикрыв веки, – была бы кровать, он лежал бы. Вениамин подобных вольностей себе не позволял, он парень обстоятельный, положительный (даже слишком), лишнего не скажет и, конечно, не ведет себя вызывающе.

И наконец Терехов Павел... В современном мире мужчина, которому немногим чуть более за тридцать (а случается, и за сорок), зачастую инфантил и выглядит великовозрастным мальчиком. Павел мужчина, не брутал, как Феликс, но производит самое приятно впечатление. А почему, собственно, высокий, сухощавый (спортивный), ушастый, белобрысый, а еще аккуратный и весьма симпатичный интеллигент (настоящий, а не дутый), не должен производить приятного впечатления? Следователь что – не человек? Он мозг группы, кстати, отлично уравнивает ребят мягкостью и спокойствием, но не рохля, нет-нет, когда надо – он жесткий. Павел прослушал запись и принялся уточнять:

– Значит, звонок поступил...

– Рано утром, примерно в шесть, – сказал Вениамин.

– И голос сообщил, – восстанавливал последовательность Павел, – что в двух домах трупы мужчины и женщины, назвал адрес и номера квартир... А вошли как? Квартиры-то были заперты?

– Этот Платон Лукьянов, – продолжил Вениамин, – когда позвонил в полицию, сообщил, что ключи от обеих квартир лежат под ковриком его двери. Там их и нашла группа, прибывшая на место преступления... то есть на два места преступления. Труп женщины лежал на пороге спальни, это на втором уровне квартиры. Пацаны побежали в квартиру Пешкова, убедиться хотели, что там тоже труп, ну, не верилось в такую кадрили. Убедились и начали работать у Пешкова. Потом я приехал вместе с Жекой, а позже Феликс.

– Ключи под ковриком, – мечтательно улыбнулся Павел. – Милая советская традиция, мне рассказывала мама. Сейчас попробуй, оставь – и стены вынесут.

– Да, этот Лукьянов еще сказал во время звонка в полицию, – вспомнил Вениамин, – что на полу посередине гостиной стоит ноутбук, кстати, это самое видное место в квартире, потому что большое и пустое. В ноуте, сказал он, есть аудиозапись, аудиофайл которой находится на рабочем столе компа, нам нужно прослушать. Вот, с вами прослушали, Павел Игоревич, двадцатый раз.

– И какие выводы?

Павел переводил взгляд с Вениамина на Феликса, второй, не открывая глаз, лениво покачал головой из стороны в сторону, выпятив нижнюю губу.

– Итак, выводов ноль целых ноль десятых, – констатировал Павел. – А что соседи говорят об этих семействах?

Зашевелился Феликс, сел нормально, посмотрел на Павла и:

– Минус, Паша, во всех смыслах.

– Не понял, они отказываются давать показания?

– Они ничего не знают, – сказал Феликс. – Или врут, будто не знают, не желая связываться с нами. Я тоже не знаю, пригодится или нет, но в доме, который ближе к проезжей части, народ заселился недавно, год-полтора назад, Пешковы примерно год назад купили квартиру в доме рядом с Лукьяновыми. А следующие дома выстроены лет шесть назад, тогда же и Татьяна Лукьянова купила квартиру. Застройка продвигалась от сквера до проезжей части.

В это время вошел Женя Сорин, видя, что здесь идет обсуждение вчерашних находок, не привлекая к себе внимание, сел на стул у стены рядом с дверью и приготовился ждать своей очереди.

– Кто работает с трупами? – спросил Павел.

– А вот тут невезение нам не изменило, – ухмыльнулся Феликс.

– Коноплева... – догадался Павел и явно приуныл, хотя виду не показывал, но его реакции за год неплохо изучил Феликс, а посему успокоил:

– Я звонил Покровскому, нижайше просил его проявить любопытство к нашим несчастным трупам, подло застреленным неизвестными негодьями, которые не оставили нам шансов найти их. Ведь царевна морга ввиду большой нагрузки нечаянно может упустить важные мелочи, которые для нас на вес золота, платины и палладия.

– Так витиевато и говорил? – улыбнулся Павел.

– Ты разве не в курсе, что красноречие мой конек?

– А когда результаты обещают?

– Не знаешь Марихуану Гашишевну? Они-с роман пишут на тему препарирования двух тел.

– А без протокола? На словах? Хотя бы в общих чертах...

– Ну, даешь, – заерзал Феликс, он не любитель долго торчать в кабинетах, устает от сидения больше, чем от беготни. – Если бы ты, Паша, смотрел на нее поласковой, комплиментик бросил, ручку чмокнул... – Феликс задумался и отказался от своего же предложения: – Пожалуй, не стоит, а то жениться заставит, она такая.

Павел перевел взгляд на Сорина, вытянув немного шею, потому что Феликс заслонял парня:

– Женя, что у тебя?

– Ничего, – ответил тот. На голос обернулся Феликс и поднял ладонь в знак приветствия, Сорин вежливо кивнул. – Мне только дали схему расположения камер видеонаблюдения. Номер тачки Лукьянова естественно установили и засели за просмотр. Трудность в том, что неясно, с какого времени начинать просмотр, когда именно выехал Лукьянов из жилищного комплекса и когда он приехал туда – неизвестно.

– Он сам подсказал – поздно приехал, – напомнил Феликс.

– А поздно – это когда? – спросил Женя. – Одиннадцать часов, двенадцать, час, два... когда? Для некоторых и десять вечера поздно. А во сколько должна вернуться любимая жена из загула? Я пока не женат, понятия не имею.

– К моменту возвращения мужа с работы, – неуверенно произнес Вениамин, тоже не имеющий опыта женатика. – Семь-восемь часов, я думаю.

– Да ладно гадать, – вяло махнул рукой Женя. – Они сначала найдут тачку Лукьянова по номеру, после будут искать ее в месте проживания... а там частного транспорта до фига, это же квартал сплошной «бедноты», там редко встретишь тачку за миллион, в основном с двух начинаются. Когда найдут, проследят маршрут по городу, народу там не хватает, короче, ждать придется долго. Но у него же еще и собственность есть.

С минуту Павел решал задачу в уме: что именно его заинтересовало в данной истории, в которой на первый взгляд нет загадочности? Ну, или хотя бы интриги. Все на поверхности, версий две: любовники и месть мошенников (спасибо любовнику за подсказку). Можно аплодировать и не париться. Вопрос: а какую версию взять за основу, у какой больше шансов?

К примеру, мошенники. Два года сидели тихо, как мыши под лапой кота, и вот, когда их забыли, они уверенно нанесли удар. Мотив: товарищей отлучили от легкой кормушки, к которой те привыкли, разоблачение ударило по самолюбию. Но и великодушные Татьяны Лукьяновой унизительно, а за добро часто платят злом – этим уже мало кого удивишь. Что они получили в результате устранения двух человек? Неизвестно, даже предположительно. Удовлетворение? Маловато за риск, впрочем, мошенники лихо отвели от себя подозрения, подставив любовников. Но выгода должна быть? По идее должна. Пойти на убийство непросто, если это не отпетые уголовники, а на двойное убийство – надо иметь сильный мотив. Для двух канцелярских крыс, тихонько тыривших деньги у хозяйки, такая смелость малоубедительна.

Теперь любовники... Проще простого развестись, тем самым распрощаться со своими вторыми половинами и не мучиться, прячась от посторонних глаз, – это нормальная логика адекватного человека. Но если дело упирается в наследство, то и логика здесь иная, а мотив стар, как само человечество.

Это две поверхностные линии, которые нагло просятся в работу, что не по душе Павлу, а не по душе потому, что очень уж заковыристое преступление, с туманным подтекстом. Пожалуй, все склонны заранее выстраивать логику поступков по любому поводу, тем более тех, что на ладони, но, как правило, фантазии оказываются ничтожными – есть такое понятие в юриспруденции.

Отсюда следующий вопрос: а если история имеет совсем другие корни? Значит, предстоит работать в трех направлениях, одно из них определенно верное, а пока есть пропущенный эпизод:

– Феликс, твоя очередь. Что там у нас за свидетельница?

– Шикарная, – рассмеялся Феликс, протягивая Терехову флэшку. – Я тайком записал видео с ней, вставляй в ноут. Знаю, знаю, обязан был предупредить о записи, получить согласие... Не предупредил и не получил. Она просто не открыла бы рта, а мои слова не передадут колорит, индивидуальность и все оттенки нашего разговора. Но вы же меня не выдадите? Эй, чего сидите? – обратился он к Вениамину и Жене. – Идите до кучи. И прошу прощения за плохое качество операторской работы, труба торчала из кармана...

– Да ладно рисоваться, – промямлил Женя, взяв стул и идя с ним к столу Терехова. – У тебя всегда нормалек получается. Ну-с, что ты тут наснимал?

Видео началось, когда рука поставила стакан на стол.

* * *

Это была рука Феликса, сразу женская рука с маникюром бешеной раскраски взяла стакан, после чего камера «приняла» нормальное положение. Видимо, Феликс сел напротив, потому что Ирэна попала в объектив, подняла заплаканные глазки с растекшейся тушью, спросив дрожащим голосом:

– А ты?

– Я на работе, – сказал Феликс за кадром.

Она понимающе покивала, всхлипнула и привычно выпила за пару глотков весь коньяк, что ж, в той среде, где Ирэна вращается, а среду выдают манеры и одежда, спиртное является лекарством от всех напастей. Она что-то сунула в рот и заедала коньяк, периодически шумно вдыхая воздух, но все же сдавленно произнесла:

– Чего ты мне подсунил? Всю глотку обожгло... Сто раз пила коньяк, но такой гадости... как спиртыга, мля...

– Не знаю, что там ты пила, в этом доме, я полагаю, шмурдяк не держат, – сказал Феликс, конечно, за кадром. И вдруг задал никчемный вопрос: – Ты сама себя назвала Ирэной?

– Чего это ты так решил?

– Ну, многие девушки меняют себе имена на эффектные – Сэра, Ирэна... Ирэна красивей, чем просто Ирина, верно?

– Я про это не думала, меня папа так назвал, умер, бедняга...

– От алкоголя?

– У тебя знакомые только алкаши, с другими не знаком? – посочувствовала она. Феликс рассмеялся в ответ, а Ирэна вдруг надулась: – А мои знакомые порядочные люди, мой папа тоже был порядочным.

– Извини, не хотел тебя обидеть. Еще налить?

– Давай. Помяну мою дорогую Танечку...

В объективе появилась рука Феликса с бутылкой, перекрыв стакан. Ирэна снова выпила, на этот раз, жуя, она задумалась, печально глядя перед собой, Феликсу пришлось расшевелить ее:

– Ты правда убираешь здесь квартиру? С такими-то ногтями?

Ирэна слегка опьянела, это как раз то, что нужно ему.

– Я же приличная девушка, а у приличных ноготки должны быть красивыми. Так работа же у меня не хилая, почти интеллигентная. Была. Когда поперли с рынка... я торговала там одеждой... всякой... по сезону. Недавно это было.

– Правда? А на каком рынке?

– На вещевом... э... на Дарьевском. Знаешь, какие там бабы противные бродят? Меряет платья, меряет... всю кучу перемеряет и ни черта не покупает! Ну, у меня терпение не железное, однажды я и выдала одной такой по первое число. Да надоело, блин! Та пасть как раскрыла и к хозяйке, времени не пожалела. Ну вот, осталась я без работы и без денег. Сразу к Танюхе пришла бабок просить, она дала. Я, начальник, у Танюхи убираюсь, когда с работой облом, ну, чтобы не зазря деньги брать. Танюха никогда не отказывала, всегда давала денег и не требовала назад долга. Вот такая она была – широкой души, щедрая.

Ну, раз обратилась к Феликсу «начальник», это говорит о ее богатом прошлом, и Феликс спросил напрямую, но по-доброму, с сочувствием:

– Ты в колонии чалилась, да?

– Ай, – вяло махнула она ладонью. – Полгода. Рожу одной сучке начистила за сплетни, она подала на меня в суд... Набрехала с три короба! Клянусь, челюсть ей не свернула, но она же кучу справок где-то добыла, прикинулась, будто при смерти валялась месяц. Видела я ее, бегала, как лошадь на ипподроме, но меня засадила, тварь недобитая. Лучше б свернула ей челюсть, не так обидно было бы. Вот скажи, почему люди бывают такими, а? Чего-то там эта гадина увидела – меня в смысле, набросала на это своих придумок и получилась гадость, которую разнесла по всему свету. А мне – оправдывайся, доказывай то, что на самом деле есть! И знаешь... правду никто не хочет слышать, никто. Сплетня живучей правды.

– Знакомо, – согласился он.

– Ха! У меня был такой классный мужик, я пылинки с него сдувала, любила... м... как я любила его... Ушел. Потому что поверил не мне, а грязной сплетне поверил. Ну и как тут

не начистить сытую харю? Скажи, должен же человек получать ответку за подлость, а? Вот спустишь раз-другой, а человек привыкает гадить... Так должен или нет?

– Должен, – и на этот раз согласился Феликс.

Надо заметить, он согласился с ней не на словах, а на самом деле. И сразу припомнил, что неоднократно спускал некоторым подлости, чего делать, наверное, не следовало, ибо привычка подличать вырабатывается от безнаказанности. Но об этом подумать решил как-нибудь на досуге.

– А почему Татьяна тебе не помогла избежать суда?

– Как же! Помогла. Адвоката наняла, мне вместо трех-пяти дали полгода, я хорошо отделалась, но пятно осталось теперь на всю жизнь. Вот куда мне с таким пятном? Устроишься на нормальную работу? Наливай.

Так-с, барышня готова, Феликс ненавязчиво задал вопрос:

– Слушай, Ирэна, мы не можем связаться с мужем Татьяны... Не знаешь, где он может быть?

– А хрен его знает, – поедая то, что Феликс нашел в холодильнике и предоставил на тарелочке. – Может, свалил куда...

– С любовницей?

– Про любовницу ничего не знаю, – резко бросила Ирэна. Нет, как будто он предложил ей неприличным делом заняться! – А что... есть подозрения?

– Предположения.

– Не, не знаю, – пожала она плечами.

– А он мог свою жену застрелить?

Ирэна сдвинула брови, замедлив жевание, она явно восстановила образ мужа Танюхи, наконец вновь пожала плечами:

– А хрен его знает...

– Сомневаешься, да? – подхватил Феликс и как истинный провокатор стал подзуживать девушку не первой свежести и даже не третьей. – Раз сомневаешься, то допускаешь, что Платон Лукьянов мог взять в руки...

– Да иди на хрен, – внезапно рассердилась Ирэна. – За кого меня принимаешь? Ишь, хитрюга! Я сейчас с тобой соглашусь, а вы потом закроете мужика на много-много лет, да? А если он вообще ни сном ни духом, я буду виновата, да? Знаешь, мачо, я грехов боюсь, немножко верующая.

– Ладно, понял. Ну, тогда скажи, что он за человек?

– Кто? Лукьянов? Заносчивый, надменный... Со мной, конечно, я же никто. А вот поет классно, между прочим свои песни пишет... на какие-то там баллады.

– М, как интересно – баллады. А что еще скажешь?

– По моим наблюдениям, жили они не очень.

– Как это – не очень? В чем выражалось?

Туго давались Ирэне формулировки, она закатывала длинные паузы, заставляя трудиться серое вещество, а иногда и на потолке искала ответы. Феликс терпеливо ждал, стараясь лишний раз не сбивать ее с мысли, все же «девушка» выпила примерно сто пятьдесят грамм.

– Понимаешь, не знаю, как объяснить, но... когда муж и жена любят, это видно. Танюха любила его, смотрела на своего Платошу, как будто он бог, а Лукьянов... вот тут я сомневаюсь.

– Так он с ней жил из-за денег?

– Да он же зубы лечит и вставляет, эти никогда бедствовать не будут. И не скажу, что Танюха богачка офигенная, ну, фирма у нее – от отца досталась, правда, не так чтобы очень крутая... Нет, конечно, жила она, ни в чем не нуждаясь, так ведь живут и лучше. А хочешь, как на духу скажу?

– Мечтаю!

– Страдала Танюха. Из-за него, гада, страдала. Не, мне лично не жаловалась, не-не, я сама видела... ее Платоша, как ледышка, от него не дождешься ни доброго словечка, ни улыбки, сам от себя тащится... ну, не знаю, как еще рассказать...

– Не переживай, я понял. А подруги у Танюхи были?

– Как тебе сказать... – очередной раз закатила глаза к потолку Ирэна.

– Как есть. У тебя интересный взгляд на людей, ты их видишь по-особому остро, – безбожно польстил ей Феликс. – Мне важны твои впечатления, чтобы составить четкое представление.

– Ну, ладно. Есть такая Милена Горлинская – артистка оперетты. Ничего так пляшет и поет, но мне не понравилось... как-то ненатурально все, я ж ходила на ее выступления. «Сильву» смотрела и... что-то модное... название не помню, про девок в американской тюрьме. Она везде Сильва. Потом смотрю на нее у Танюхи... я как раз убиралась здесь, а оперетка пришла в гости... Так вот, смотрю на нее, а она как была Сильвой на сцене, так и в жизни Сильва. Но меня до их разговоров не допускали, сам понимаешь, я просто уборщица...

– И даже не подслушала ни разу?

– Я что, дура? Чтоб Танюха застукала, обиделась и прогнала меня навсегда? На хрен мне их секреты, своя задница дороже. А вторая подружка Никитка...

Она сама себя прервала, потянувшись за закуской, поддела ноготком тонкий кусочек филе и отправила в рот, забыв про вторую подружку.

– Никитка, это что – кличка? – напомнил Феликс.

– Э... – тянула паузу Ирэна. – Фамилия у нее... какая-то такая... похожая... только я не запомнила. Отсюда, как догадываюсь, она и Никитка.

– А имя?

– Имени не знаю, не интересовалась. Да оно мне надо – имя? Но скажу – глаза у нее, как у гадюки. Честно, честно! Вот смотрит на тебя, а в глазах гипноз, даже не моргнет ни разу. И будто всю тебя насквозь видит. Может, ведьма, а? Ты веришь в ведьм?

– Еще как, не раз попадались мне, уж поверь.

– Верю. Вот в это... что попадались эти... верю. С Никиткой Танюха всегда шушукалась, уйдут на кухню или в кабинет, закроются и ни слова не слышно.

– А где работает Никитка?

– Хрен ее знает... – пожала плечами Ирэна. – Со шмотками что-то связано...

– Продает? Ну, в магазине? В бутике?

– Не, она не продавщица, не-не. Ей до продавщицы с ее гадючьим характером расти и расти. Шьет, кажется... или не шьет? Я ж не прислушивалась к их базару, Танюху про нее не расспрашивала, на кой она мне! Но одевается не то что модно, а шикарно.

– Это как?

– Ну, вот я, к примеру, смотри: я одеваюсь модно. А шикарно у меня не получается. Понял, да? Ну и молодец. А теперь налей помянуть мою дорогую Танюху... Как я буду без нее, м?

Она выпила еще и неожиданно зарыдала, оплакивая то ли убитую подругу, то ли потерю щедрой работодательницы. Порция оказалась лишней, и Феликс свернул опрос, так как в этом состоянии больше полезной инфы из нее вряд ли выдавишь. В конце концов, Ирэна продиктовала свой адрес и номер телефона, с ней всегда можно связаться.

* * *

– М-да, Ирэна фигура занимательная... А фотографии фигурантов, в первую очередь любовников, вы не добыли? – спросил Павел после просмотра. – Хочется посмотреть на них.

Логичнее было бы сразу потребовать фото, но Терехов постепенно вырабатывает свои приемы. В данном случае он предпочел сначала составить общую картину двух преступлений,

тем более они связаны, а потом уж смотреть на тех, кто оказался участником. Феликс одними глазами подал знак Вениамину, тот достал из своей сумки отпечатанные на бумаге фотографии, которые забрал при обыске и протянул первую:

– Это Лукьяновы.

Павел держал общий снимок, по всей видимости сделанный в фотостудии, он пытался поймать первое впечатление (всегда верное) от довольно симпатичной пары. Правда, ловить эту первую искру стоит при живом общении, теперь впечатление будет смазано, ну да все равно интересно же оценить внешность.

– А это Пешков, – протянул следующий снимок Вениамин.

– Угу, – недолго изучал Павел фото.

– А это его жена Камилла...

– Мм, какая интересная, – одобрительно покивал Терехов, выпятив нижнюю губу. – Странно, черты непропорциональные, вон и глаза – нельзя сказать, что иконописные, лоб высокий, а подбородок маловат, губы крупные, рот явно большой, скулы рельефные... В ней все неправильно, но чем больше смотришь, тем больше она нравится.

– Ой, да просто красивая и все, – махнул рукой Женя, покрывив губы, будто речь шла о страхолюдине.

– Не скажи, – возразил Павел. – Что-то в ней есть... магическое, может, даже роковое. Этим качеством обладает далеко не каждая красавица. Итак, между супругами большой и прекрасной любви не наблюдалось в обеих парах.

– Ну, тут я понимаю Камиллу Пешкову, – снова подал голос Женя. – Ее муж ни то ни сё, а Лукьянов вон какой... будь я женщиной, тоже клюнул бы на него.

Терехов пропустил реплику Сорины мимо ушей:

– Знаешь, Феликс, с Ирэнкой надо бы поговорить, когда она трезвой будет, а потом сравнить показания, понаблюдать за ней.

– Думаешь, водила меня за нос? – озадачился опер. – Я бы заметил... А ты по каким признакам определил?

– Думаю, пьяная Ирэна дала не совсем точные сведения и, главное, маловато. Понимаешь, обычно пьяных несет – не остановить, а тут событие, сбивающее с ног, в подобных обстоятельствах человек говорит и говорит о почившем, тем более убитом, а не о себе любимой трещит. Тебе не кажется?

– Не знаю, выпила она прилично...

– Для тренированных людей не так уж и много, – заметил Вениамин. – Я согласен, Павел Игоревич, маловато она трещала, у нас в деревне, когда мужики наберутся, поговорить для них – это ж святое. А тут женщина, к тому же хлопнула почти стакан огненной воды, не свалилась, но и не разговорилась.

– К тому же раз она была вхожа в дом, то обязательно должна знать тайны, – развивал мысль Терехов, – которые в подобных семьях, как правило, имеются. Одну мы знаем: Лукьянов и Пешкова любовники, но чтобы Ирэна не сунула нос в чужое белье... глядя на нее, не верится в лапшу, которую она вешала на уши нашему супермену Феликсу. А еще больше меня удивляет, что она, явно одинокая и, стало быть, жаждущая большой и чистой любви, как в кино, не рисовалась перед ним. Это же чисто женская черта – видеть перед собой красавца и подать себя с лучшей стороны.

– Мозгов не хватило у нее подать себя, – заметил Женя.

– Отсутствие мозгов не гарантирует отсутствие гормонов, – возразил Павел и снова взял в руки фото Камиллы.

– Не понял. Выходит, я лох? – На лице Феликса появилось неподдельное изумление пополам с разочарованием. – Только не говори, Паша, что ты подозреваешь это чучело. Хоть оно

и отдыхало на нарах полгода, но хладнокровно завалить двух человек... не-а! Максимум, что она может – это стырить лопатник.

– Видишь ли, – поспешил успокоить его Павел, – я после нашего «Арабского дела» предпочитаю всех брать на учет, кто попадает в пространство жертв. Причем с равными правами на главный титул – убийцы. Вот просмотрел материалы и знаешь, что меня смущает? Само по себе двойное убийство в одно время и в одном месте шаг довольно опасный, все-таки место густонаселенное, мало ли кто может случайно встретиться, увидеть, а потом и опознать. Риск огромный... Странное преступление.

– Давай без лирики? – предложил Феликс. – У нас самая прозаичная работа, поэтому... с чего начнем и когда?

– Результатов экспертиз сегодня и завтра мы точно не получим. Кто такая Никитка, которая шьет или не шьет, предстоит вычислить... Может быть, ее знает артистка оперетты, раз обе были подружками убитой? Вот с нее-то и начнем, но! Сначала выясним, когда она будет на службе...

– Ты сегодня собираешься с ней встретиться?

– Не паникуй, как вы спланировали, так и будем отмечать день рождения Настеньки в деревне. Жека, сгоняй к секретарше, пусть позвонит в театр.

– Так сегодня суббота... – не горел желанием бежать Сорин.

– Она здесь, я видел ее, – сказал Павел.

Нехотя Женя двинул к двери, что-то ворча под нос, видимо, опять ему не нравилось поручение, но тут уж выбирать не приходится. Некоторое время сидели молча, собственно, мысли у всех сейчас работают в одном направлении, Павел очнулся первым и заполнил паузу:

– Как Настя?

– Я сдуру подарил ей швейную машинку, теперь она любит ее больше, чем меня, – пожаловался Феликс.

– А я не о тебе спросил, – рассмеялся Павел. – Ты переживешь любую напасть, швейную машинку в том числе. Настя отошла после провала в институт?

– Конечно! Я убедил, что поступать она может хоть двадцать раз, а еще можно учиться заочно – эта идея ей понравилась, жена у меня, знаешь ли, домоседка.

Вернулся Женя и сообщил:

– Заслуженная артистка Горлинская сегодня и завтра не занята в спектакле, а в понедельник выходной у них, будет только во вторник на утренней репетиции. Ее нет и в городе, она улетела к сестре.

– Ладно, тогда встречаемся на выезде. Женя едет с Вениамином, а мы с Феликсом съезжаем на место преступления, потом заберем женщин и подведем.

– Может, мы не будем вас ждать, а поедем в деревню? – предложил Веня. – Вы дорогу знаете, сами доберетесь.

– Разумно, – согласился Павел, поднимаясь со стула.

Камилле показалось, она проспала все на свете, но...

...спустившись вниз, быстро поняла, что в доме остались она и Платон, поняла по атмосфере пустоты, которую ощутила. Хотелось есть. Нехорошо заглядывать в чужой холодильник, хотя хозяин и разрешил готовить, она не рискнула без его ведома что-либо взять оттуда, позволила себе только кофе сварить. Налив в кружку, Камилла постояла перед холодильником с двойной дверцей, раздумывая – прилично ли взять немного молока, если есть? Все же отошла, села за стол и пила горячий кофе, отчего голод обострился еще больше, да вдруг вздрогнула от голоса Георгия Глебовича:

– Доброе утро, дочь. Вошел в дом, а тут аромат стоит.

– Здравствуйте. Извините, я тут немного... кофе сварила...

– Почему смущаешься? – Он подошел к столу, сел напротив. – Ты здесь хозяйка, а не гостя, да и гостям не возбраняется пить-есть. А мне не нальешь немного кофейку?

– Конечно, – поднялась Камилла.

– А Платон что?

– Спит. Два дня у него были тяжелыми... Не думаю, что станет легче, но пусть поспит, голова будет лучше работать, нам ведь нужно как-то выбираться из этого капкана. Скажите, а молока нет у вас?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.